

МЕСТОИМЕННИЯ В АЛТАЙСКИХ

ЯЗЫКАХ.

/Перевод с французского В. И. Цинциус и Ф. Д. Ашнина.

Предисловие.

Алтайские местоимения, так же как и суффиксы, личные или притяжательные, уже давно привлекали внимание ученых.

Первым, кто серьезно занялся этим, был известный ученый Кастрен, который в 1850 году опубликовал в Гельсингфорсе труд под названием *De affixis personalibus linguarum altaicarum*.

После него этот же вопрос был основательно рассмотрен С. Бетлингком, который, описывая в своей работе *Über die Sprache der Jakuten*. /СПБ, 1851/ якутские местоимения, почти всегда проводит сравнения с местоимениями других тюркских языков, а часто даже и монгольских языков, и высказывает несколько весьма остроумных предположений, большинство из которых было принято его последователями. Одновременно с Кастреном и Бетлингком другой ученый В. Шотт, занялся урало-алтайскими местоимениями, посвятил им многочисленные замечания в своих различных работах, как, например, в *Altajische Studien* /Берлин, 1860-1872/ и других. Позднее Б. Мункачи — сначала в *Budenz-Album* /Будапешт, 1884/, потом в *Keleti Szemle* XIII /1918-1919/ — посвятил сравнительный этюд урало-алтайским местоимениям в целом, среди которых занимают свое место алтайские местоимения. Затем последователи исследования В. Радлова, в его *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei* /СПБ, 1893-1899/ и *Die Jakutische Sprache*

in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen /СПБ, 1908/. В 1906 году появилась работа Г. Рамстедта *Über die mongolische pronomina*, в которой в известной мере учитываются также и тюркские местоимения. Этот вопрос исследовался также В. Бангом, который опубликовал два обильно документированных исследования — сначала о местоименных суффиксах 3-го лица в *Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen* /Берлин, 1916/, а затем о вопросах —

тельных местоимениях в серии Vom Köktürkischen zum Osmanischen [KOsm] /Берлин, 1917/. Нельзя также обойти молчанием монументальный труд Ж. Дени Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), Париж, 1921, где на общем фоне изучения османских местоимений нашли место особенности местоимений других языков. Некоторые замечания встречаются в работах В. Богородицкого, особенно во "Введении в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками" /Казань, 1934/. Наконец, в своей недавно вышедшей в свет работе Der Türkische Sprachbau /Копенгаген, 1936/ К. Гренбек также останавливается на роли местоимений в тюркских языках.¹

Вот довольно значительная группа работ востоковедов, по большей части тюркологов, к которой легко было бы прибавить еще не одну диссертацию и не одну грамматику, где найдутся более или менее важные указания, относящиеся к нашей теме. Благодаря этим работам общая картина, которую представляют собой алтайские местоимения, нам кажется достаточно ясной, а в некоторых частях — даже законченной в деталях. Однако всех ученых поражает чрезвычайная пестрота этой картины. Здесь сохранились и продолжают жить и развиваться вплоть до настоящего времени древние, почти первообразные формы. А рядом с ними в различные эпохи появляются новообразования, которые частью имеют свои корни в национальном языке, частью заимствованы из других языков. Все эти элементы воздействуют друг на друга, создавая такое причудливое сплетение, что еще довольно долго не удастся его распутать.

До настоящего времени лучше всего были изучены тюркские местоимения; значительно меньше монгольские; что же касается тунгусских, то они редко принимались во внимание, а если и говорили о них, то только мимоходом, когда они попадались на глаза при тех или иных исследованиях. Со своей стороны я предполагаю прибавить некоторую долю к тому, что уже было сказано по вопросу о местоимениях. За исходную точку я возьму монгольские местоимения, так как они мне более зна-

1. Эта работа К. Г р е н б е к а вышла в свет, когда моя уже была в печати. Я не смог сослаться на нее иначе как короткими примечаниями в отдельных местах.

комы. Но я постараюсь найти аналогии в других алтайских языках и объяснить их с общей точки зрения. Таким образом, я продолжу мои *Contributions aux études des langues altaïques*, опубликованные в 1921 году в *Rocznik Orjentalistyczny* МП и в 1932 году - в *Collectanea Orientalia*, № 2.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

А. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ И МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.

Достаточно поверхностного знакомства с системами личных местоимений — по тому, как их представляет большинство описательных грамматик алтайских языков, — чтобы дать себе отчет в исключительном сходстве, которое существует между ними. Хотя эти языки и представляются имеющими существенные различия, но при ближайшем рассмотрении все время возрастает впечатление сходства, вынуждая допустить существование тесных связей, которые их объединяют.

С другой стороны, если привлечь к рассмотрению финно-угорские местоимения, то нас поражают многочисленные аналогии между ними и алтайскими местоимениями; сходство это так велико, что знакомство с финно-угорскими местоимениями часто помогает лучше понять алтайскую систему.

Наиболее важной проблемой в этой области является необычный способ образования форм множественного числа; эту проблему мы и берем за исходную точку нашего исследования.

Уже в 1884 году в *Budenz-Album*¹, на обширном урал-алтайском поле, Б. Мункачи показал в схематической таблице алтайские местоимения в обоих числах — единственном и множественном. В этой таблице поражало то, что образование этих местоимений, в обоих числах, носило очень регулярный характер и что множественное число образуется всегда не обычным прибавлением специального суффикса во множественном числе, а путем замены гласного основы единственного числа. Автор допустил ошибку, не подчеркнув надлежащим образом своеобразия этих образований, и так как его работа была опубликована на венгерском языке, мало кому известном, она прошла почти незамеченной; это вынудило его опубликовать ее в выдержках вторично в 1919 году, на этот раз на

1/. B. Munkácsi. Az altaji nyelvek számképzése. *Budenz-Album* Budenz József XXV éves nyelvészeti működése emlékére. Budapest, 1884. — Прим. перев.

немецком языке ¹.

В этот же самый период, независимо от своего предшественника, тем же самым вопросом заинтересовался Г. Рамстедт, ² который осветил его в достаточной мере, но только в отношении монгольского письменного языка.

1. Местоимения первого и второго лица.

Это необычное образование личных местоимений ³ сказывается главным образом в первом и во втором лице, как это схематически показывает следующая ниже таблица:

	лопар. /саам/	маньчж.	тунг.	ороч.	МОНГ.	тюркс.
I	mon ton	bi si	bi ši ~ hi	bi si	bi či (<*ti)	ḡn, mǎn, min sǎn, sin
II	moi toi	muse —	miti —	biti šuti	bida —	biz siz
III	mī, mi tī, ti	be suwe	bi šū ~ hū	bi šū	ba ta	— —

Чтобы сделать более рельефным сопоставление тех и других местоимений в этих различных языках, мы дадим несколько предварительных объяснений.

Местоимения первого и второго лица единственного числа образованы с помощью одного слога, состоящего из одного согласного и одного гласного; только в тюркских, а также в лопарских языках местоимения принимают в конце еще некое -n. Теперь принято считать, что это -n не относится к корню, а представляет собой суффикс, получивший наз-

1/ В. Munkácsi. (Рец. на Bang, Kósm I), KSz XVIII (1918 — 1919), 125 — 126; ср. J. Szanyei. Finnisch-ugrische

Sprachwissenschaft, 2-te Aufl., Berlin-Leipzig, 1922, 95-96.

2/ G. J. Ramstedt. Über mongolische pronomina (JSFOu XXIII, fasc. 3), 2-6.

3/ Я представил короткий доклад по этому вопросу 1У съезду польских ориенталистов: O systemie zaimków osobowych w językach altajskich, CO №6 (Wilno, 1934), 54-55.

вание **н** местоименного, которое в названных выше языках появляется в именительном падеже, а в других — только в косвенных падежах .

Происхождение и значение этого звука вызвало ожесточенные споры ; К. Шрифль¹ много занимался им в 1912 году; однако вопрос остается неясным и до настоящего времени.

В начале местоимения 1-го лица мы наблюдаем то **ь** ²том. Это хорошо известное в алтайских языках чередование, которое, однако, появляется при разных обстоятельствах. В тюркских языках оно зависит от того, какой язык ; в монгольских и тунгусских языках — от падежа. Это значит, что в некоторых тюркских языках наблюдается только форма с **ь** , а в других — только с **т** , между тем как во всех монгольских языках в именительном падеже наблюдается **ь** , а в остальных падежах — **т** /что объясняется влиянием местоименного **н** , которое в монгольских языках появляется только в косвенных падежах/.

Много раз ставили вопрос о том, который из этих согласных , **ь** или **т** , входил в первоначальную форму местоимения 1-го лица. Уже в рунических надписях находят нечто подобное нынешнему положению вещей : форма **män** наиболее употребительна, но встречается также /Енисейские надписи и надписи на памятнике в честь Тонью-Кука/ и форма **бän**. Этот вопрос довольно долго — в 1897 и 1908 гг. — рассматривался В. Радловым², который признал форму **бän** более древней. С другой стороны, Рамстедт /1906/ и Мункачи /1918/³ высказывались за **т** , тогда как Банг /1917/ и Богородицкий /1934/⁴ отдали предпочтение **ь** , причем каждый из них считал

1. K. Schriefel. Der "Genitiv" im Jakutischen und Verwandetes. KSz XIII (1912), S. 48-84, 278-319;

ср. K. Grönbeck. Sprachbau, 32-33.

2. W. Radloff. Die alttürk. Inschr. NF (1897), 39, 71-72; idem.

Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. S. 33.

3. Ramstedt. Pronomina, p. 2, 7.

4. B. Munkácsi. KSz XVIII, 134-135.

5. W. Bang. KOsm I, § 6

6 В. Богородицкий. Введение , 112-113

свое мнение достоверным. В сущности, по этому вопросу не было ничего добавлено к аргументации Радлова; была только учтена еще чувашская форма, имеющая в своем составе *ö*.

В гласных также имеется чередование: *ä(e)-i* (*män~min, sän~sin*); в принципе оно никого не удивляет, речь идет только о том, который из двух гласных наиболее древний / в рунических текстах встречаем *sn*, у Махмуда Кашгарского имеется *sän* и *sin* /. Есть три обстоятельства в пользу гласного *i*: чувашские формы *εbə < bi, εzə < si*; наиболее распространенные тюркские личные местоимения *biz* и *siz*; наконец, монгольские, маньчжурские и тунгусские формы с *i* (*bi, ci, si, ši*); это предположение принимается до некоторой степени Мункачи, Бангом и Богородицким.

Это чередование позволяет предполагать, что личные местоимения относятся к переднему ряду, что верно для тюркских и тунгусских языков. Напротив, в монгольском /если восходить к наиболее древним чертам/, это – скорее задний ряд, хотя в живых языках производные слова иногда представляют передние гласные; но этот факт не может рассматриваться, кажется, как остаток прошлого. Кстати, живые языки склонны относить слова, имеющие *i* в первом слоге, к переднему ряду даже в тех случаях, где они, возможно, некогда принадлежали к заднему ряду. Таким образом, мы имеем в монгольском, ойратском, могольском, ордосском и дагурском форму *bidə* /в монгольском *buda* /, а в других языках – *bide*. Это очевидное свидетельство влияния начального *i*. Известно, что в монгольском языке гласный *i* является продолжением первообразных *ī* и *i̇*; некогда, когда память об *i̇* имела еще какое-то значение, наметился переход личных местоимений из переднего ряда в задний; в новое время картина меняется: те же местоимения обнаруживают тенденцию перейти в передний ряд.

Местоимения второго лица представляют чередование *s-t* (*ᠰᠢ*), которое не является широко распространенным в алтайских языках. Г. Рамстедт имел полные основания удивляться этому, но Г. Санжеев готов признать это чередование нормальным.
1. G. J. Ramstedt. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. Ksz XV (1914-1915), 140, note.

2. Г. Д. Санжеев. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. ИАН, № 8, 602-603.

мальным ; он утверждает, что в области монголо-маньчжурских параллелей можно найти бесчисленное количество этих примеров, хотя сам он приводит не более четырех, причем только два из них могут считаться бесспорными. /монг. $\dot{c}i$ ~ маньчж. zi , монг. $ju\dot{c}in$ ~ маньчж. $ju\dot{c}in$ / Как бы то ни было, в данном случае монг. \dot{i} имеет соответствие с лопар. \dot{t} , и речь идет только о том, чтобы проверить, имеем ли мы здесь дело с чередованием \dot{t} - s или, может быть, с двумя различными элементами.

Таким образом, мы видим, что корни местоимений двух первых лиц сводятся к следующим формам:

1	$bi \sim mi$	$b\dot{a}(be) \sim m\dot{a}(me)$
2	$si \sim *ti(\dot{c}i)$	$s\dot{a}(se)$

Для множественного числа мы имеем два ряда форм: П и Ш /см. таблицу/. Второй ряд образуется по обычному для алтайских языков способу - путем прибавления к формам единственного числа суффиксов: монг. $-d\alpha$, маньчж. $-se$, тунг. $-t \sim -ti$, тюрк. $-z$. Что касается третьего ряда, то он образуется также от местоимений единственного числа путем замены гласного; так, в монгольском языке \dot{i} меняется на α , в маньчжурском - на e , в тунгусском - на \dot{u} .

В третьем ряду форм появляется довольно неожиданным образом маньчж. $suwe$, тогда как следовало ожидать $*se$. Не дает ли это нам право предположить, в согласии с П. Шидтом, что $suwe$ есть только графическое изображение формы $*se \sim s\dot{o}$? Вместе с тем, у гольдов, ульчей и самаров мы находим формы $bu\dot{o}(*buwe)$ "мы" и $su\dot{o}(*suwe)$ "вы", которые заставляют думать, что маньчж. $suwe$ могло быть также остатком какой-нибудь формы, некогда общей для всех южных тунгусских языков. Что касается значения конечного $-we(\dot{o})$, то мы это рассмотрим ниже.

Во втором ряду форм привлекают внимание суффиксы. Основная их часть образуется при помощи зубных согласных: d, t, z, s . В некоторых языках к ним присоединяется один из гласных - a, e или \dot{i} , что нельзя, однако, рассматривать как основной элемент: тюркские языки, а также многие тунгусские их лишены. Это дает нам право задать вопрос: не имеют ли рассматриваемые суффиксы что-либо общее с обычными монгольскими суффиксами множественного числа d и s . Такой была, с 1836 года, точка зрения В Штта, который выводил тюркское конечное $-z$ (z biz и siz) из монгольского конечного $-s$.¹ Бетлингк заявил, что это было рискованное

предположение, и со своей стороны выдвинул гипотезу, по которой -z является сокращением местоимения *si* "ты", т. е. *biz* < *bi+si* "я и ты", *siz* < *si+si* "ты и ты", но при этом он не объяснил причин, которые обусловили озвончение *s*. Но только Радлов разделяет гипотезу Бетлингка; что же касается их коллег, как Мункачи⁴, Рамстедт⁵, Банг⁶, Лиге-ти⁷, то они видели в -z особый показатель множественности, который они обнаружили еще в ряде других форм и слов.

По примеру Штта, Рамстедт был склонен видеть в монгольском -da суффикс множественности -d; единственно, что его смущало, это как раз гласный *a*, который заставлял его даже усомниться в том, были ли -d и -da одним и тем же суффиксом и ему даже приходила мысль о том, не надо ли принять также и в отношении монгольского *bid* идею Бетлингка о слиянии двух двух местоимений *bi+ta*. В конце концов он пришел к заключению, особенно в отношении *ede* и *tede*, что *d* соответствует суффиксу множественного числа *d*, тогда как *e* составляет дейктический элемент.

Как же ставится вопрос в настоящее время?

Довольно затруднительно принять эти гласные за дейктические, как думает Рамстедт, ибо это явление совершенно необычно для алтайских языков. Между тем мы здесь имеем дело с одним фактом, который оказывается довольно распростра-

1. W. Schott. Versuch über die tatarischen Sprache (Berlin, 1836), s. 60.

2. O. Böhtlingk. Kritische Bemerkungen zur zweiten

Ausgabe von Kasembek's türkisch-tatarischer

Grammatik. „Bulletin hist.-philol. de l'Académie imp.

des Sciences de St.-Petersbourg" V, 1848, 336; idem.

Über die Sprache der Jakuten I (Jakutische Grammatik), 264

3. W. Radloff. Die alttürk. Inschr. NF, 72.

4. Munkácsi. Az altaji nyelvek számképzése,

„Budenz-Album" (1884), 305.

5. G. J. Ramstedt. Pronomina, 4.

6. W. Bang. Beiträge zur türkischen Wortforschung I, Túrán I (1918)

307; idem. Das negative Verbum der Türksprachen. SBAW. (1923), XVII, 114.

7. L. Ligeti. Die Herkunft des Volknamens Kirgis. - KCsA I (1925), 381-383.

менным и подсказывает иной путь к решению. Владимирцов, а за ним Банг обнаружили значительное число тюркских слов, оканчивающихся на согласный. Эти слова мы находим также на монгольской почве, но с прибавлением гласного, например, тюрк.

kök , монг. köke . К этим словам можно добавить и некоторые суффиксы, например, тюрк. *tür//* монг. *-tüca* .
То же самое с суффиксами: тюрк. *-z//* монг. *da//*
маньчж. *-tə* , или же: тюрк. *-z* // монг. *-s* // маньчж. *-se* .

Что касается согласных, то их происхождение нужно искать в **ṣ* , который в своей эволюции приобрел различные формы в разных алтайских языках; об этом мы говорим ниже.

Все эти соображения позволяют нам сделать вывод, что формы множественного числа по своей конструкции имеют в обоих рядах совершенно регулярный характер. Но чтобы установить это, наука должна была пройти значительный путь.

Грамматики письменного монгольского языка уже давно отметили двойную форму для местоимения 1-го лица множественного числа в косвенных падежах: одну, происходящую от основы *man* , другую — от основы *biden* ; только оставалось не известным, существовала ли между ними какая-нибудь разница, и в именительном падеже давали только одну форму:

bide / *bida* . При этом забывали отметить, что в текстах встречается *ba* / большей частью в сочетании *ba būgin* или *ba būgin* / и что это слово нашло место в словарях с точным значением: "мы" / "мы все" /. Это самое слово было зарегистрировано обоими арабско-монгольскими словарями,¹ а также "Сокровенным сказанием монголов".² И только Г. Рамстедт в 1906 г. установил идентичность этого *ba* с упомянутой основой *man* , заполнив таким образом, лауну, которая существовала в парадигме склонения местоимений 1-го лица.

С другой стороны, в грамматиках маньчжурского языка с самого начала были отмечены одно рядом с другим *muse* и *be* с полной парадигмой форм, но до самого последнего времени никто не замечал, что эти местоимения составляли регулярную систему, которая простирается и на живые языки ,

1. Г. П. Меллиоранский. Араб-филолог о монгольском языке. В О Р А С Х У, вып. 2-3 /1904/, 166.

2. Г. по русскому / А. С. Козин. Сокровенное сказание, М. — Л., 1941 /, немецкому Е. Хаенш. Die geheime Geschichte der Mongolen; Leipzig, 1937. или французскому (P. Pelliot. Histoire secrète des Mongols, Paris, 1949) Изданиям §§ 64, 121, 136, 360, и др.-прим. перев.

как тунгусские, так и монгольские.

Первый исследователь этих языков Кастрен нашел в тунгусских языках только первую форму, в виде *bi* /в косвенных падежах *mün* /; затем у бурят он обнаружил другую форму - *bide*, но в качестве косвенных падежей дал формы от основы *man*. Он совсем упустил из вида, что бурятские формы происходят от двух разных основ: косвенные падежи от одной основы, а именительный падеж - от другой. Это неточное изложение Кастрена легло тяжелым грузом на все последующие исследования.

В тунгусских языках последующие исследователи по большей части отмечали только одну форму, известную со времени Кастрена - *bi*; иногда они все же давали другую форму: *müt* (*miti*), не подозревая, что эта была уже вторая форма, соответствующая маньчжурской форме *muse*. Так, С. Попов отметил у охотских ламутов¹, Майдель на Анадыре - форму *müt*, русские миссионеры Кожевников и Суслов - у туруханских тунгусов - форму *mife* / *mitti* /. Наконец, Птицын /1903/ и Титов /1926/ обнаружили в бассейне Байкала даже обе формы: *bi* и *miti* / *miti* /. В. Богораз² /1895/ - у омонских ламутов: *bi* и *müt*, К. Мельникова и В. Цинциус /1926-1927/ - у негидальцев: *bi* и *bitta* / *butta*, *bit* /⁴. И только в 1927 году Кошкин⁵ основательно рассмотрел обе формы, найденные первым - у баргузинских тунгусов и вторым - еще и у киренских тунгусов и у ламутов.

Но любопытные наблюдения, которые были сделаны еще в 1895 году над языком племени орочей С. Леонтовичем⁶, до

1. A. Schiefner. Beiträge zur Kenntniss der tungusischen Mundarten. „Melanges Asiatiques III, livr. 6 (St. Petersburg, 1859), p. 696.
2. A. Schiefner. Baron Gerhard von Maydell's tungusische Sprachproben. Mel. As. VII, livr. 2-3 (1874), 377.
3. В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. "Тунгусский сборник". 1, / Л., 1930/, 9.
4. К. М. Мельникова. и В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка, в кн.: "Тунгусский сборник", 1, 146 - 147.
5. Я. П. Кошкин. Кастрен-тунгусовед. В кн. "Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. /Очерки по истории знаний, вып. 2/", Л., 1927, 122.
6. С. Леонтович. Краткий русско-ороченский словарь, с грамматической заметкой. "Записки Общества изучения Амурского края" У, вып. 2 /Владивосток, 1893/, 31, 55, 88, 98.

сих пор никем не использованы. В кратких заметках по грамматике языка этого племени он констатирует наличие двух категорий личных местоимений:

	обыкновенные	Количественные
	/единичные/	/совместные/
ед.	1 bi	bida
	2 si	sida
мн.	1 bu	biti
	2 su	sufi [siti?]

Не вызывает никакого сомнения, что форма *biti* соответствует *miti* / *müt* / других тунгусских языков, но еще никто не отметил, чтобы у тунгусов существовали аналогичные формы с тем же окончанием на *-ti* также для местоимений 2-го или 3-го лица множественного числа. А ведь мы не имеем права подозревать Леонтовича в неточностях его заметок, так как во втором ряду тюркских форм имеется хорошо известная форма: *siz*.

Не менее интересны формы единственного числа с окончанием *-da*. По мнению Леонтовича, местоимения второго ряда употребляются лишь в том случае, когда действие совершается несколькими лицами вместе; естественно, что только местоимения во множественном числе могут соответствовать этому значению. Поэтому Леонтович совершает ошибку, вводя в эту группу формы единственного числа. С окончанием *-da* должно соответствовать здесь нашей частице "и", также "и я также, также ты, также он". Именно это значение приписывают Майдель местоимениям *bida 'auch ich* / "я тоже" /, *ηida 'wer immer* / "кто всегда" /, отмеченным у анадырских ламутов¹, Грубе - *χajda 'wasauch immer* / что также всегда /, Протодиаконов - *ujda* "кто-то", *χawajda* "каждый, тот и другой"³ у гольдов.

1. A. Schiefner. Baron Gerhard von Maydell's Tungusische Sprachproben. Mel. As. VII, livr. 2-3, 375, 368.

2. W. Grube. Goldisch-Deutsches Wörterverzeichnis (St. Petersburg, 1900), S. 39.

3. П. Протодиаконов. Гольдо-русский словарь. "Известия Восточного института" 11, вып. 3 /Владивосток, 1901/, 342.

В монгольских языках множественное число местоимений 1-го лица было отмечено только во второй форме *bide* в именительном падеже; в других падежах употребляются местоимения только с основой *map* -/у иркутских бурят ¹, или иногда - с обеими основами *map* - и *biden* -/калмыки ², калхасцы, хоринцы ³; но до Рамстедта не было установлено никакой разницы между этими основами. Лишь в дагурском языке ⁴, рядом с *biad* имеется форма *bā* не только в косвенных падежах, но также и в именительном падеже.

Правда, утверждали также, что форма *bā* наблюдается еще в двух случаях. Рамстедт высказал предположение, что это *bā* дало стяжение *ü* в форме *bida inu joi* (*ü* *inija* = *ba*) в языке монголов ⁵, но тут поражает соединение в одной глагольной форме двух местоимений: *bida* и *ba*. Наиболее вероятно, как я на это уже указывал ⁶, что это *ü* есть просто стяженная форма от *bida*; аналогичные примеры на этот счет отмечены в тунгусских языках, где во множественном числе настоящего времени имеется два окончания: - *rawun* ~ *raf*, - *rasum* ~ - *ras* ⁷. С другой стороны ученые ⁸ склонны различать *ba* в выражении *ma dörwlägä*.

1. Castrén-Schiefner. Versuch einer Burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis (St. Petersburg, 1857), S. 26.

2. Котвич. Опыт ^{2/} = Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд., Прага, 1929, 173 - 174, 177-178.

3. А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. /С Пб., 1913-1914, § 96.

4. "Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-монгольской А ССР", вып. 6, / Л., 1930/, 145-146.

5. Ramstedt. Pronomina, 2 idem. Mogholica. JSFOu XXIII, fasc. 4. (1906), 56.

6. W. Kotwicz. En marge de lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel Remusat. - CO № 4, (1933), 38, (§ 39).

7. Castrén-Schiefner. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre (St. Petersburg, 1856), 27.

8. См. выше упомянутый выпуск "Материалов комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-монгольской А ССР", вып. 6, / Л., 1930/, 145.

"мы четверо других", отмеченном Владимирцовым у оренбургских калмыков. Только здесь мы имеем не именительный, а винительный падеж, и местоимение в этом случае употребляется в форме основы, т. е. без падежного окончания, не только у калмыков¹, но также и у халхасцев.

Следует указать, что в монгольских языках, как общее правило, в именительном падеже более употребительна вторая форма, *bidz*, тогда как в косвенных падежах верх берет основа первой формы: *тап-*. Нечто подобное наблюдается у дагуров, где в именительном падеже сохраняются обе формы *bā* и *b'ad*, основа *тап-* используется во всех падежах, а *b'adn* только в родительном.

Какое же было первоначально значение приведенных выше рядов форм множественности, так ясно отличных друг от друга по своей внешней структуре?

Эта сторона проблемы уже давно привлекала внимание, в частности в отношении маньчжурского языка. Уже патер Вербист, автор первой маньчжурской грамматики *Elementa linguae tartaricae* /1685/, точно описал разницу между *be* и *mouse*:

„Quando loquimur de rebus nostris, vel de nobis ipsis cum aliis hominibus qui nobiscum habent aliquam communicationem vel participationem earum rerum de quibus loquimur, tunc nominando nos ipsos dicemus *pe*. V.g. loquor de mea familia, tribunali, patria, pecunia et cet. cum homine eiusdem familiae, tribunalis, patriae et cet., tunc quoties exprimendum erit nos, dicam *mouse*; si cum aliis hominibus, dicam *pe* et non *mouse*. V.g. cum Sinis vel Tartaris loquendo de rebus Europaeis dicam *pe* *mederide* vel *mederi chugunde chim*, nos (Europaei scilicet) *maritimo itinere huc venimus*.”²

“Когда мы говорим о наших вещах /делах/ или о нас самих с другими людьми, которые имеют с нами что-либо общее

1. Котвич. Слѣг², 374.

2. M. Thevenot. Relations de divers voyages curieux. Nouvelle édition augmentée de plusieurs relations curieuses (Paris, 1696), t. 11, partie 2, p. 10, (§ 30).

или причастны к тем вещам, о которых мы говорим, тогда называя самих себя, мы скажем *pe*. Иными словами, /если / я говорю о своей семье, /своем/ ведомстве, ¹отечестве, деньгах и т. д. с человеком /из/ той же самой семьи, /того же самого /ведомства, отечества и т. д., тогда всякий раз, когда надо будет выразить "мы", я скажу *mouze*, если /же/ с другими людьми, /то/ скажу *pe*, а не *mouze*. Например, говоря о европейских делах с китайцами или тартарами ² я скажу *pe mederide* или *mederi chugunde chimí* "мы /т. е. европейцы/ прибываем сюда морским путем" /³

Автор следующей грамматики Г. К. Габеленц пишет, что маньчжурь употребляют *mouze* во всех случаях, когда хотят обозначить, что тот, к кому обращаются, должен входить в это число, и пользуется *pe*, если те, к кому обращаются, не должны входить. ⁴

1. Этим словом переведено латинское *tribunal*, которое могло бы быть передано также словами "приказ", "служба", "бюро" и т. д. Предполагаемый автор маньчжурской грамматики иезуит Ф. Вербист ведал в Китае при дворе цинского императора Канси астрономической службой, которая в миссионерской среде официально именовалась астрономическим трибуналом. — Прим. перев.
2. Как это следует из названия цитируемой грамматики, под словом "тартарь" здесь подразумеваются маньчжурь. Вообще же, по словам В. В. Бартольда /История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 71/, названия "тартарь" и "Тартария" употреблялись "в европейской литературе с такой же неопределенностью", как в греческой литературе слова "скифы" и "Скифия". "Тартарами" именовались и турки, и монголы, и маньчжурь. — Прим. перевод.
3. Ср. французскую обработку грамматики Ф. Вербиста: *Amiot Grammaire tartare-mantehou, par..., missionnaire à Peking. Tirée du t. XIII des Mémoires concernant l'histoire, les arts, les sciences, etc. des Chinois. Paris, 1787, p. 39.* — Примеч. перев.
4. H. Conon de la Gabelentz. *Elémens de la grammaire mandchoue* (Altenbourg, 1832), 37.

Последующие ученые, как Л. Адам, И. Захаров, Ш. де Арлэз, приняли почти полностью определения своих предшественников. Рамстедт, в 1906 году, также следует за ними, когда он говорит о разнице между аналогичными монгольскими местоимениями *ba* и *bide*.

Современные исследователи тунгусских языков, как Кошкин, Богораз и другие, придерживаются в сущности старой концепции; только, увлеченные примером Кошкина, они дают определение "инклюдивный" /включительный или включающий/ в отношении второго ряда и "эксклюдивный" /исключительный или исключаящий/ в отношении третьего ряда.

Чтобы резюмировать все только что рассмотренное, мы считаем себя вправе утверждать, что формы второго ряда употребляются, когда речь идет о том, кто говорит, и о том, к кому обращаются; что касается форм третьего ряда, то они употребляются, когда исключаются лица, к которым обращаются, или, по крайней мере, когда их особо не выделяют. Если бы зашла речь о принятии общепринятой терминологии к нашему случаю, то может быть, можно было бы назвать третий ряд как обозначающий множественное число, а второй ряд как обозначающий нечто вроде двойственного числа /*dualis* /¹. При этом мы могли бы сослаться на факт употребления тех же самых терминов для обозначения аналогичных форм в грамматиках финно-угорских языков, а также на то, что некоторые тюркологи склонны видеть в тюркских словах, оканчивающихся на *-z*, двойственное число.

Отсюда вытекает интересный вопрос о наличии в алтайских языках не только единственного и множественного числа, но еще и двойственного числа. Однако в монгольском языке кроме местимений пока еще не было найдено примеров образования множественного числа простой заменой гласного в основе. В тюркских языках не встречаются образования таким путем формы множественного числа даже в местимениях; но здесь, может быть, можно найти некоторые следы этого /об этом речь будет идти ниже/ среди форм единственного числа. Что касается двойственного числа, то его старый суффикс остается очень употребительным, но в роли суффикса множественного числа только в монгольском /в форме *-d* /и в маньчжурском /*-se* /языках; значение же двойственного числа сохранилось лишь в тюркских языках, где оно встречается в небольшом числе примеров, которые Банг скрупулезно со -

1. Cf. Ramstedt, *Pronomina*, 9.

брал в своих различных работах¹, в чем ему немного помог Лигети², который высказал намерение заняться этим вопросом, но, насколько мне известно, он этого еще не сделал. Исходя из нынешнего состояния исследований по этому вопросу, окончание -z со значением двойственного или множественного числа можно видеть в следующих случаях:

1/ местоимения *biz*, *siz*;

2/ местоименные суффиксы- *miş* /иногда -*miş* -*bis* /;
-*miş* /иногда -*miş* /;

3/ существительные *kögüz*, *köz*, *omuz*, *ayız*,
bujnuz, *mäjiz* /что касается нескольких других слов,

то Банг сам сомневается/.

4/ османские числительные *ikiz* . *üçüz* ;³

5/ османские прилагательные, образуемые из числительных с помощью сложного суффикса -*zli* (<-*z*-*lig*): *ikizli*,
üçüzlü и т.д. до *jedizli* ; эта группа слов, связанная с предыдущей, никогда еще не принималась во внимание.⁴

Словом, следует констатировать, что алтайские языки признали излишним существование двух параллельных форм множественного числа и постарались свести их к одному ряду. Но далекие от того, чтобы действовать путем простого вытеснения одного из двух рядов, они прибегли к различным средствам, среди которых одним из наиболее частых является соеди-

1. Bang. Beiträge zur türkischen Wortforschung I.-Türan I, 307-310; idem. KOsm I, §4; idem. KOsm IV (ABAW 1921, №2), §55; idem. Das negative Verbum der Türksprachen (SBAW, 1923, XVII), 114.
2. Ligeti. Die Herkunft des Volknamens Kirgis. KCsA I, 381-383.
3. Deny. Gramm., p. 318, §504.

4. Deny. Op.cit., §504. В монгольском языке то же значение придается суффиксу -*ᠵᠢᠨ*, который прибавляют к числительным 2, 3, 4, 8. Когда Гамстедт (Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, JSFOu XXIV, fasc. 1, 1907, 8)

занимался этим суффиксом, мы не отдавали себе отчета о его происхождении. Но теперь я вижу, что это -тюркское окончание- *zli*, измененное путем метатезы / - *zli* > -*ᠵᠢᠨ* /.

нение обоих рядов в одну систему. ¹

П. Местоимения третьего лица ².

Местоимения третьего лица в алтайских языках ни по своему составу, ни по структуре не представляют той регулярности, какую мы установили в отношении двух первых лиц. Объясняется это тем, что первоначальная система этих местоимений подверглась всюду значительным изменениям вследствие вторжения различных элементов. Старые формы, от которых сохранились только остатки, в большинстве своем должны были уступить место новым элементам. Но мы постараемся воспроизвести первоначальную систему; с этой целью мы представляем ниже таблицу современного состава местоимений, указывая в скобках новые элементы.

	Монг.	маньчж.	! Тунг. Ороц.	! Тюркс.
I	i-nu (e-ne) i-ma (te-re)	i (e-re) (te-re)	(nuḡan)(nuan)	(ot) (bu) a-niḡ (o-nuḡ)
II	— (e-de) (te-de)	— (e-se) — (te-se)	(nuḡa-r)(nu-a-ti)	(o-ḡar)(bu-ḡar)
III	a-nu —	ḡe —	— —	— — —

Из этой таблицы видно, что древние элементы совсем нетрудно выделить, так как они по своему внешнему строению сохраняют сходство с местоимениями двух первых лиц. Основным элементом здесь является *i*, который, однако ясно выделяется только в монгольском и маньчжурском языках. Новые элементы представлены указательными местоимениями, которые выступают в своей новой роли во всех алтайских языках, за исключением собственно тунгусских, где мы находим слово *nuan* / *nuḡan* / неизвестного происхождения, а также языка якутского, где есть слово *kini*, которое Радлов возводит к *kiši* "человек". Возможно, эта новая роль вынудила указательные местоимения приспособиться, в некото-

1. Новое явление, см. K. Grönbech .Op.sit ., 80.

2. Ср.: Kořwicz. O zaimkach 3-ciej osoby w jezykach attajskich. V Zjazd Orientalistów Polskich, CO № 7 (1935), 17-19.

рой мере, к первоначальной системе личных местоимений; так, в монгольском и маньчжурском языках они выступают с суффиксом множественности -*da* и -*se*, и только тюркские и тунгусские языки дают нам обычные суффиксы -*tar* и -*r*

Это положение требует некоторый комментарий.

Бобровников¹ в своей грамматике уже указывал, -а Ramstedt² это явно показывает, что монгольский письменный язык сохранил обе формы древнего местоимения для родительного падежа в единственном числе *inu* и во множественном числе *anu*; кроме того, в "Сокровенном сказании монголов"³ мы находим еще винительный падеж множественного числа *ani* / § 84 / и дательный падеж множественного числа *andur* / № 256/. В ойратском тексте *Siddhi-kür* найдена форма *ima*, которая связана с тем же местоимением **i*. В древних монгольских рукописях обнаружены еще две формы от основы *ima* -, а именно *imaji* и *imadur*.

Сравнивая все эти формы с формами склонения местоимений двух первых лиц, мы получаем единую парадигму:

		Ед. число		
Им.	<i>bi</i>	<i>ci</i>	* <i>i</i> [<i>ima</i>]	
Род.	<i>minu</i>	<i>cinu</i>	<i>inu</i>	
Дат.	<i>namadur</i>	<i>çimadur</i>	<i>imadur</i>	
Вин.	<i>namaji</i>	<i>çimaji</i>	<i>imaji</i>	
Инструм.	<i>namabar</i>	<i>çimabar</i>	* <i>imabar</i>	
		Мн. число		
Им.	<i>ba</i>	<i>ta</i>	* <i>a</i>	
Род.	<i>manu</i>	<i>tanu</i>	<i>anu</i>	
Вин.	<i>mani</i>	<i>tani</i>	<i>ani</i>	
Дат.	<i>mandur</i>	<i>tandur</i>	<i>andur</i>] ⁴	

Живые языки, как калмыцкий или бурятский, сохранили только притяжательный суффикс -*ni* > -*n*, происходящий, очевидно, от *inu* (>**ini*) или *anu*.

Маньчжурский язык, единственный среди алтайских языков сохранил *i* как самостоятельное слово не только в косвен-

1. А.А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, (Казань, 1849), 78, (§144).
2. Ramstedt. Pronomina, 4-5.
3. Заключенные в квадратные скобки слова взяты из рабочего экземпляра В.А. Котвича. - Прим. перев.
4. Из авторского рабочего экземпляра. - Прим. перев.

ных падежах, но и в именительном падеже. Во множественном числе следовало бы ожидать, по аналогии с двумя первыми лицами, форму *e, между тем как мы обнаруживаем ċe, что не может не удивить любого специалиста. Существует только одна попытка объяснить происхождение этого слова. Это — попытка Рамстедта, который стремится вывести это слово из tese; однако нам трудно согласиться с его мнением ввиду того, что tese существует само по себе, в своей первоначальной форме, как самостоятельное слово, а также и потому, что мы не находим никакого другого примера подобной редукции в маньчжурском языке. Нам думается, что искать разрешения этой загадки нужно другим путем.

Местоимение 3-го лица заменяется двумя указательными местоимениями: тем, которое обозначает предметы более близкие, и тем, которое обозначает более отдаленные. Это наводит на мысль, что, быть может, подобная дифференциация существовала и для местоимения 3-го лица, т. е. что рядом с i здесь могло быть также *ċi (ċti). Эта гипотеза позволила бы нам объяснить происхождение ċe; но откуда взялось это *ċi? Указание на это мы находим в следующей таблице:

	мо.		ма.
i-	e-ne	i	e-re
*ċi(ti)	te-re	*ċi	te-re

Доказательством того, что пара коррелятивных i//ċi не вымышленна, служит существование в монгольском языке двух адвербиальных основ "i-na-//ċi-na-". Уже Рамстедт констатировал, что ene и tere "wurzelverwandt" / "родственны по корню" / с inaṣi, inadu / которое он пишет как inatu / и činaṣi, činadu; но в своих выводах он и остановился на этом.

С другой стороны, Рокхилл отметил у широнголов провинции Сань-чуань слово ċi в значении "он", а в значении "ты" ¹ — слово ta; т. е. эта группа монголов употребляет во втором лице местоимение множественного числа в значении единственного и имеет самостоятельное местоимение ċi "он". Заметим однако, что Потанин слышал в Сань-чуани ċi в обычном значении "ты" ². Малое число местоимений, отмеченное этими путешественниками, не позволяет, к сожалению, осветить причины этого расхождения.

1. W. W. Rockhill. Diary of a Journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892 (Washington, 1894), 377.

2. Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия П/С П б., 1893/, 421.

Как как в местоимениях часто наблюдается чередование *i, c, e*, то мы имеем в местоимениях 3-го лица и в указательных местоимениях только различные изменения двух корней, применяемых к близким или отдаленным предметам; другими словами, личное местоимение *i* следует отождествить с *e* указательных местоимений, а для указательного корня *te* надо реконструировать личный коррелятив **ti>ci*.

Местоимения *i||ci* должны были бы иметь во множественном числе следующие формы:

	МО.		МА.
ед. ч.	<i>i-ti</i> (<i>>ci</i>)		<i>i-ci</i> (< <i>*ti</i>)
мн. ч.	<i>a-ta</i> (<i>>ca</i>)		<i>*e ce</i>

Формы **ci* (**ti*) *||ta* не могли в монгольском языке сохраниться для 3-го лица, ввиду того, что эти формы стали загадочным образом применяться для обозначения 2-го лица. А в маньчжурском языке форма множественного числа **e* не могла сохраниться в значении личного местоимения множественного числа, так как это могло бы привести к столкновению с указательным местоимением; таким образом, в данном значении была принята форма *ce*.

Если при этом первоначальное *t* не проявилось снова, т. е. если появилось *te* не вместо *ce*, подобно тому, как это произошло в монгольском языке, где *ta* "вы" бывает рядом с *ci* "ты", — то имеется только один способ объяснить это: дело в том, что это *ci* должно быть для маньчжуров чужим элементом, происхождения которого они не чувствовали. Может быть возобладало также желание избежать совпадения, например, с *te* "теперь".

Существовали ли в тунгусском языке местоимения *i* и *ti* изолированно или же с целой системой форм, как это мы воспроизвели для монгольского и маньчжурского языков? Решить это сегодня мы не можем за неимением данных.

А как обстоит дело в тюркских языках?

Различные обстоятельства позволяют предположить, что эти языки также располагали местоимением *i* для 3-го лица со своим коррелятивом **a* для множественного числа, как монгольский и маньчжурский языки.

В одном значении, брошенном мимоходом в статье о местоимениях Банг сопоставляет следующие слова рунических и уй-

1. Bang. KOsm I, 36, n. 2; 10 (§5). Ср. A. von Gabain. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsang. I, SBAW 1935, VII, 21 (169).

гурских / из Турфана / текстов : inča, „so, folgen-
 dermassen, solches“ , /так следующим образом,такое"/,
 inčip, 'so' /"так"/ (в Anal. Index)¹ "trotz, aber"
 /"однако, но"/, 21 /479/ inaru 'weiter' /"далее"/
 (Anal. Index, 20 [478] inaru) . Он включает в ту же группу и
 два балкарских слова : inol, „jener, jener dort“ /"тот,
 вон тот"/ и inanda 'dort' /"там" и еще одно неясное руни-
 ческое слово inγaru „seitdem“ /"с тех пор"/. Он разли-
 чал во всех этих словах основу in<i>i</i>-n- , приписы-
 вая ей дейктическое значение, но не определяя ее проис-
 хождения.

Наряду с некоторыми из приведенных выше слов с осно-
 вой *in – употребляются и другие слова с тем же значением,
 но с основой an –:

inča	anča
inaru (inγaru?)	aγaru, aγi

Невозможно удержаться от того , чтобы не установить
 здесь сходства с монгольскими частицами inu , anu ;
 установив такое сходство, мы могли бы предположить, что,
 быть может в нем кроется решение относительно параллель-
 ных тюркских форм. В таком случае мы имели бы в тюркских
 основах in –единственное число личного местоимения *i ,
 а в an – множественное число.

Конечно, Банг имел полное основание считать in – и an –
 дейктическими элементами ; но мы видели, как личные место-
 имения скрещиваются с указательными. Таким образом, не
 только указательные местоимения могли заменять личные, но
 имело место также и обратное явление ; иначе говоря, мес-
 тоимение i могло обладать лично указательным значением.

Но поищем еще и другие примеры употребления этих ос-
 нов, прежде всего в личном значении.

Основа in –встречается редко ; основа an –, напротив,
 появляется значительно чаще, обнаруживая при некоторых об-
 стоятельствах симптомы большой живучести ; дело обстоит
 так, как если бы она была использована , чтобы заменить ос-
 нову *in – и ее начали употреблять и в единственном и во
 множественном числе.

1. Bang-Gabain. Analytischer Index zu den fünf ersten
 Stücken der Türkischen Turfan-Texte. SBAW, 1931, XVII.
 –прим. перев.

Банг посвятил себя усердному сбору также и материалов, касающихся an ¹. Из этих материалов следует, что an — представляет собой именную основу, в которой a — должно рассматриваться как корень, тогда как $-n$ — составляет то, что называется n местоименным. Наиболее важными для нас являются те формы, которые связаны с местоимением $o\dot{a}$, употребляемым в тюркских языках то в значении указательного, то в значении личного местоимения. Ведь в этих формах /реже o / сохраняется только в именительном падеже; в других же падежах обычно появляется основа $an-$, наряду с которой в некоторых языках и в отдельных памятниках встречается a , как бы в виде исключения, еще основа $on-$. И та, и другая из этих основ употребляются безразлично в значении единственного и множественного числа.

Основа an считается более древней.² Это, очевидно, остаток атрофированного древнего личного местоимения. Когда указательное местоимение $o\dot{a} \sim o$ заменило его, повсюду и в других падежах появились новые формы основы $on-$, которые, однако, не достигли того, чтобы устранить древние формы.

Затем Банг стал исследовать одну частицу, которая имеет вид $\ddot{a}n \sim \ddot{a}ŋ \sim aŋ$ и придает слову значение превосходной степени, как в польском языке префикс *wszech-*, *naj-*.

Эта частица проникла и на монгольскую почву в форме $eŋ$. Банг производит эту частицу от $anŋ$ и сопоставляет ее с притяжательным суффиксом третьего лица $-i \sim -si$, в связи с именами числительными, например, *ikisi*, *ücü*³ и т. д., переводя их как *alle beide*, *alle drei* / "оба", "все три" /; он видит разницу только в том, что употребление второго элемента восходит, по его мнению, к древней эпохе, а употребление первого к недавнему времени.⁴ Это

1. Bang. KOsm I, 4-8, 15-17, (§§ 2, 3, 15)

2. Deny. Gramm., 201.

3. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий I, 1871-1872.

4. Bang-Gabain. Ein uigurische Fragment über den manichäischen Windgott, UJb VIII (1928), 256; G.R. Rachmatullin, Die Hilfsverben und Verbaladverbien im Altaischen II, UJb VIII, (1928). Ср. K. Grönbech, Sprachbau, §48.

сближение Банга кажется совершенно правильным: мы имеем тут элементы, по своему происхождению явно местоименные, личные, которые можно перевести как "из них".

На третье место надо поставить притяжательный суффикс $-i \sim -si$.

Мы знаем, что в тюркских языках в качестве суффикса 3-го лица единственного числа употребляются $-i$ /после согласного/ и $-si$ /после гласного/ "его", а во множественном числе — ları "их". В некоторых тюркских языках, в силу их фонетических особенностей, $-si$ оказывается замененным посредством $-zi$, а в якутском — даже $-ti$. Якутский язык обнаруживает еще одну особенность: суффиксы $-i \sim -ti$ появляются здесь только в косвенных падежах, между тем как в именительном падеже возникают неожиданные формы: $-a \sim -ta$.

Чувашский язык не знает суффикса ları , ибо в нем нет и суффикса множественного числа lar , и в обоих числах /единственном и множественном/ он использует суффикс $-\check{e} \sim -\check{e}\check{e}$; заметим, что изменение s в \check{e} произошло под влиянием i ¹.

Балкарский и карачаевский языки, в которых суффиксом множественности является lar , редко прибегают к притяжательному суффиксу ları , употребляя обычно $-i \sim -si$ для обоих чисел.

Употребление $-i \sim -si$ в качестве суффикса множественного числа не чуждо и другим тюркским языкам. Примером этого могут служить общеупотребительные формы числительных birisi , ikisi , üçüsü и т. д. "один, два, три из них". Эти формы могут иметь еще и другие смысловые оттенки, например, по Бангу и Грөнбеку: alle zwei , alle drei и т. д., но этот суффикс всегда ассоциируется с идеей множественности. В слове birisi обычно усматривается соединение двух притяжательных суффиксов: bir-i-si ², но Банг не решается принять эту этимологию ³. По-видимому, здесь

1. Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка, (Казань, 1898), 183, *Islamica* I, 427.

2. Deny. Gramm., (§§ 238, 323)

3. Bang. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türk Sprachen, Stück 2. Über das Verbum al-nehmen als Hilfszeitwort, *SBAW* 1916, xxxvii, 917, n. 2; K. Grönbech. Op. cit. §§ 131, 137; ср. однако 81.

речь идет о влиянии аналогии, т. е. вместо нормальных форм *biri, ikisi, üçü* стали говорить *birisi, ikisi, üçüsü* ¹.

У чувашей также есть аналогичные формы числительных *ikküş / ikküş / "они двое", täwattäš / täwattäs / "они четверо"* и т. д. ².

Суффикс *-i ~ -si* уже давно интересует ученых. Предполагали, что, быть может, он имел какое-то отношение к древнему местоимению 3-го лица, но не могли решить, откуда появилось *s*.

Бетлингк ³ полагал, что *-si*, или, скорее *-sin*, составляло основную часть суффикса, а *-i* было только сокращенной формой и затем, что это *-sin* было генетически связано с окончанием 3-го лица повелительного наклонения *-sun ~ -zun*. В. Радлов ⁴ разделял это мнение, оставляя за собой право судить, сохранилась ли первоначальная форма утраченного местоимения 3-го лица в слове *azi*, открытом на памятнике в честь Коль-Тегина.

Рамstedt ⁵, в 1906 году пошел другим путем. Сопоставляя притяжательный суффикс 3-го лица с монгольскими местоимениями *inu // anu*, он высказал смелую по тому времени мысль о том, что *s* в суффиксе *-si* представляется собой вид множественного числа, который проявляется в *biz* и *siz* и соответствует в монгольском *-s ~ -d*. А отсюда следовало, что тюркское *i* в *-i ~ -si* должно соответствовать монг. *i* - в *inu*, т. е. что это именно и есть тюркское местоимение 3-го лица, только *-i* было суффиксом единственного числа, а *-si* суффиксом множественного числа.

Однако Рамstedt не уточнил надлежащим образом эту концепцию и не сделал из нее всех выводов, которые можно было

1. Ср. Dery. Gram., 211, (§§ 314-315) и C. Brockelmann. Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen, ZDMG LXX(1916), 210.
2. Н. И. Ашмарин. Указ. соч., 183.
3. Böhtlingk. Kritische Bemerkungen, 343; idem. Über die Sprache der Jakuten I, 266.
4. Radloff. Die alttürk. Inschr. NIF, 74, 82-83, 91, idem. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, 37.
5. Ramstedt. Pronomina, 19-20.

сделать.

Поэтому в 1916 году В. Банг¹ вторично поднял вопрос о происхождении $-i \sim -si$, но он решил порвать с традицией, которая до того дня обязывала искать в этом суффиксе именно местоимение 3-го лица. Он отбрасывает мысль о сближении суффикса $-i \sim -si$ с окончанием $-zun \sim -zup$; затем, основываясь на турфанских текстах, он объявляет, что azu обозначает "oder" / "или" / и ни с каким местоимением не имеет ничего общего. То же самое мнение относительно azu было одновременно высказано Томсоном². По Бангу, $-si$ происходит от суффикса $-siy$, известного уже по орхонским надписям; что касается i , то это не что иное, как остаток, сохранившийся после исчезновения s в позиции после согласных. Банг собрал для своей работы обильный интересный материал, но его выводы не дают ответа на все вопросы, которые они должны были вызывать.

Если признать, что $-si$ происходит действительно от $-siy$ в смысле "versehen mit" / "снабженный чем-либо" /, то надо допустить, что природа $-siy$ должна была бы подвергнуться полному изменению как с синтаксической, так и с морфологической точек зрения. Значение "versehen mit" / так же, как значение суффикса отрицания $-siz$ / требует, чтобы слова, снабженные суффиксом $-siy$ или $-siz$, предшествовали существительному, а не стояли после него, как это бывает в случае, когда присоединяется притяжательный суффикс. Более того, сомнительно, чтобы после $-siy$ могло стоять и местоименное, которым снабжается притяжательный суффикс $-i \sim -si$. Несмотря на примеры, которые Банг привел на исчезновение s после согласного, это явление все же слишком редкое, чтобы оно могло привести к полному исчезновению s в суффиксе $-si$ после всех согласных и создать таким образом новый суффикс: $-i$.

Недавно согласный s особенно заинтересовал Богородицкого,³ который ищет его происхождение в новой области; он видит в нем тот же элемент s , который уже известен в некоторых глагольных формах: в 3-ем лице будущего отрица-

1. Bang. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen. Stück 3: Über das Possesivsuffix $-si$ und einige seiner möglichen Verwandten, SBAW, 1916, Li.
2. V. Thomsen. Turcica (MSFOu XXXVII, 1916), 45-46; С. К. Grönbeck. Sprachbau, 52 (§57).
3. В. Богородицкий. Введение, 109, 121.

тельного /qara-ma-s , на самом деле надо читать qara-ma-z которое обычно рассматривается как неправильная форма аориста¹ и в причастии будущего времени в языке казанских татар / qara-si /. Но он основывается только на фонетическом совпадении суффиксов и при этом ничего не говорит ни о происхождении s~z , но и его значении , так что с его мнением согласиться трудно.

Все эти препятствия , конечно, относительно и можно было бы попытаться перешагнуть через них , сославшись либо на аналогию , либо на другие лингвистические процессы, если бы не было другого выхода. Ведь концепция , выдвинутая Рамstedтом по существу дает нам один из этих выводов, если только развивать ее с большим размахом. Именно так и сделали другие алтаисты, основываясь как и Рамstedт , прежде всего на монгольский язык. В тюркском притяжательном суффиксе -i они видят основу местоимения 3-го лица : это мнение, которое было должным образом мотивировано , тотчас разделил Ряснен.

Достоин сожаления , что автор "Сравнительного изучения тюркского и чувашского языков " , только очень кратко коснулся варианта -si и не только не высказал никакого мнения о гипотезах Рамstedта и Банга, но совершенно игнорировал их. Очевидно, он в такой мере не отдавал себе полного отчета в вопросе о соотношении между -i и si , что заключил свое исследование словами:

„Ob das Suffix -si <*-si auch auf ein selbständiges Pronomen zurückgeführt werden kann, ist vorläufig unmöglich zu entscheiden.“³

/"Совершенно невозможно установить, может ли суффикс -si <*-si быть сведен к самостоятельному местоимению". /

И тем не менее никто не может отрицать наличия известной связи между -i и -si . Речь идет лишь о том, чтобы

1. Deny. Gramm., 394, 616.

2. M. Räsänen. Beiträge zur Frage der turkischen Vokalharmonie I, JSFOu XLV, fasc. 3 (1932), 1.

3. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien, "Islamica" I, 421-424.

установить, можно ли, в согласии с Рамstedтом, рассматривать **s** как показатель множественности. Сам он уподобляет это **s**, как мы видели, монгольским **-d** и **-s** в суффиксах множественного числа; но на тюркской почве он, по правде говоря, находит только один коррелятив: **z** в **biz** и **siz**. Иначе говоря, суффикс **-z**, который чередуется с **-s** только в некоторых языках /приводимое Рамstedтом слово **kögus** представляет собой один из этих вариантов/, идентифицируется с **s** в суффиксе **-si**, который только иногда выступает в форме **-zi**. Последнее обстоятельство могло бы дать повод к тому, чтобы считать, что гипотеза Рамstedта покоится на шатких основаниях и не может быть принята. Но внимательное исследование показало, что это **s** может рассматриваться как показатель множественного числа, соответствия которому могут быть найдены, однако, только на более широкой базе.

Ш. Суффиксы множественного числа **-s** и **-tar**.

Остановимся прежде всего на суффиксах, которые служат для образования множественного числа в различных алтайских языках.

В монгольском языке основным суффиксом множественного числа является **-d** /сам по себе или в сочетании **-ud**, **-čud**, **-tud**, **-nyud** /, но наряду с ним имеется также **-s**. Каждый из этих суффиксов имеет свою собственную сферу применения, что зависит от конечного звука слова; но, как это показал Владимирцов, а после него Пельо, довольно часто **-s** замещает **-d**, и даже имеются слова, которые принимают безразлично то один, то другой суффикс.

В маньчжурском языке чаще всего используются суффиксы **-ta** и **-sa** /с их вариантами/; употребление этих суффиксов с различными группами слов определяется здесь значением последних. Но провести точную границу между этими группами слов в такой же мере затруднительно.

Тунгусские языки употребляют в этом случае обычно **l** и **r**, но кроме того, в этих языках есть суффиксы, сходные с маньчжурскими, только они не являются общеупотребительными. В личных местоимениях различных языков имеются **-t** и **-ti**: в гольдском языке нормальный суффикс множественного числа **sa-t**, образованный, очевидно, путем слияния двух суффиксов множественного числа **-sa** и **-t**. В настоящее время трудно установить, была ли область применения этих суффик-

сов некогда более обширной.

Хотя для этих различных языков пока еще трудно установить взаимоотношения между суффиксами множественности, тем не менее небезынтересно констатировать, что каждый из этих языков обладает двумя соответствующими суффиксами, образуя следующий ряд:

мо.	-d	-s
ма.	-ta	-sa
тунг.	-t, ti	-sa-t, -na-sa-t

Неизбежно возникает вопрос, нет ли аналогичного явления и в тюркских языках. Есть однако одно обстоятельство, которое мешает ответить на этот вопрос сразу: дело в том, что в этих языках суффикс $-tar$ и его варианты универсальны по своему употреблению, что здесь вытеснены всякие другие показатели множественного числа. Только один чувашский язык не употребляет $-tar$, и именно в этом единственном языке мы находим два суффикса, которые соответствуют суффиксам других, упомянутых выше алтайских языков.

Первым является суффикс $-r$, который мы находим у чувашей в личных местоимениях множественного числа $erir$, $esir$, а также в соответствующих притяжательных суффиксах $-mer$ и $-r$, т. е. именно в тех случаях где в других тюркских языках мы имеем $-z$ / biz , siz и miz , niz /, а в якутском $-s$ и $-t$ / $bisigi$, $äsigi$ и $-bit$, $-xit$ /.

Второй суффикс выступает в форме $-s$ и его вариантах $/-s$ и $-s$ /, которые можно тоже выделить лишь в небольшом количестве примеров.

а/ Основная форма s сохранилась, по всей вероятности, в соединении с притяжательными суффиксами 1-го и 2-го лица, создавая, таким образом, сложные суффиксы $-sätmär$ и $-säär$. Эти последние подразумевают идею коллективности и присоединяются к количественным числительным, а также к слову pur "существующий, каждый, все", например, $:iksemär$ "мы оба", $iksär$ "вы оба" /но $ikēs$ "они двое", см. выше/, $pursätmär$ "мы все", $pursär$ "вы все", Ашмарин¹ предполагает, что в данном случае $-sä$ соответствует общетюркскому суффиксу $-si$, для 3-го лица; но мы видели, что чувашский язык употребляет здесь видоизмененный суффикс $-s$ и, кроме того, подобное соединение суффикса 1-го

1. Н.И. Ашмарин. Указ. соч., 209.

и 2-го лица с суффиксом 3-го лица того же значения трудно допустить,¹ тем более, что мы совершенно не располагаем аналогичными соединениями в 3-м лице /ikseš/, а не /ikseš/.

б/ Затем, Ашмарин² приводит слово *ačsemēr*, которое происходит от *ača* "дитя, ребенок, парень" и употребляется в звательном падеже в значении "ребята!". Он рассматривает это как неправильное множественное число /"наши ребята"/, но объясняет это образование неясным и гипотетическим образом, тогда как простое сопоставление с *ačamār* /"наш ребенок"/ дает нам все основания рассматривать *se* в форме *ačsemēr* как показатель множественного числа.

Приведенных выше примеров употребления суффиксов -r и -s недостаточно для того, чтобы представлять все формы множественного числа: но ведь чувашский язык располагает еще суффиксом -sam, который выполняет роль обычного показателя множественного числа. Этот суффикс принимает форму -sam только в двух падежах: именительном и инструментальном; во всех остальных падежах они имеет вид -san. Не дает ли это нам права предположить, что sa есть основная часть суффикса и что мы имеем здесь некий вариант общеалтайского s? С точки зрения предшествующих рассуждений эта догадка очень соблазнительна, но ее допущение наталкивается на серьезные трудности.

Происхождение суффикса -sam ~ -san интригует ученый мир еще со времен Штта; ему посвящены многочисленные гипотезы. В настоящее время этот суффикс производят от тюркского *saın* "каждый, все"³. Эта этимология в состоянии объяснить две особенности, связанные с суффиксами -sam ~ -san. После него окончания местного и исходного падежей -ta и -tan изменяются в -sa и -san, и точно такое же изменение имеет место в чувашском языке, как это недавно показал Ряснен, под влиянием i. С другой стороны, суф-

1. Ср. впрочем, *qajsiniz* "кто из вас?" - *wer von euch?* „*qajsi biziŋki*“ - кому из вас принадлежит? - *wem von uns gehörend?*

(Радлов. Словарь, т. 2, 43.)

2. Н.И. Ашмарин. Указ. соч., 146, примеч. 133.

3. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuvassischen, JSFOu XXXVIII, fasc. 1 (1922-1923), 22; Poppe. Die tschuvassische Sprache in ihrem Verhältnis zu den Türkisprachen. KCSA II, Heft 1-2, (1926), 82.

фикс-*сам* ставится после притяжательных суффиксов, а это противоречит общему правилу, принятому в тюркских языках. С этой точки зрения Ашмарин несомненно имеет право предполагать, что *-сам* было самостоятельным словом¹ и, быть может, не так давно. Если бы *-сам* имело какое-либо отношение к нашему суффиксу-*с*, то эти две особенности было бы трудно понять. Ибо, с одной стороны, это последний как исключительная характеристика множественного числа никогда не соединяется с *і*, что могло бы вызвать *t>č*; а, с другой стороны, мы видели примеры, где *с* как показатель множественного числа предшествовал у чувашей притяжательным суффиксам /вместо того, чтобы следовать за ними подобно *-сам* /.

Таким образом, не оспаривая гипотезы, которая производит *-сам~сам* от *сајун*, мы можем тем не менее утверждать, что чувашский язык сохранил два окаменелых суффикса, имеющих значение множественного числа: *-г* и *-с*.

Новые разыскания могут дать возможность установить существование суффикса *-с* еще и в других тюркских языках, но уже сейчас мы получили более определенную базу, чтобы принять гипотезу Рамстедта, что *с* в притяжательном суффиксе *-і ~ -сі* в самом деле представляет собой показатель множественного числа, а *і* есть остаток старого алтайского местоимения 3-го лица **і*. Из этого следует еще, что из двух форм притяжательного местоимения *-і ~ -сі* первая, *-і*, была когда-то суффиксом единственного числа, а вторая, *-сі*, — суффиксом множественного числа. Со временем *-сі* в его старой роли заменил суффикс *-tari*, совершенно аналогичный по конструкции, а самое *-сі*, перейдя в единственное число, стало здесь четырехвариантным суффиксом.²

Память о старинной роли *-і* и *-сі*, кажется, сохранилась и в чувашском языке, в подтверждение чего приведем две группы примеров:

а/Термины родства неодинаково принимают притяжательный суффикс-*ё ~ -ёёё*. Ашмарин составил довольно длинный список этих имен, отмечая вариант суффикса, который

¹Н. И. Ашмарин. Указ. соч., 150

²Так, мы переводим термин "суффикс с двойной мутацией".

Для справок см. Делу. Gramm., Р.Р. 112 — 125 — Прим. перевод.

принимает каждое из них¹. Из этого списка мы узнаем, что вариант $-ěšě \sim -šě \sim -š$ прибавляется по большей части к названиям старших по возрасту родственников, тогда как названия более молодых членов семьи, таких, как же на, сын, невестка, младшая сестра, принимают обычный притяжательный суффикс: $-ě \sim -i$. По-видимому, только что приведенные варианты суффикса противопоставляются друг другу по их значимости, а может быть из соображений вежливости.

б/ Чувашские глагольные формы принимают в 3-ем лице единственного числа окончание $-ě$, а во множественном числе $-ěšě \sim -ěš$. В первом окончании ученые видят местоимение 3-го лица, но они совершенно не упоминают о втором. А между тем само собой вытекает, что то и другое окончания составляют общетюркский суффикс $-i \sim -si$, только употребляемый в разных числах: $-ě / <-i$ / в единственном, а $-ěšě (<-si)$ во множественном.

В заключение мы можем в настоящее время пополнить таблицу алтайских суффиксов множественного с числа следующими тюркскими формами:

чувашский язык	-r	-s
якутский язык	-s(-h)	-t
другие языки	-z	-s

В первой колонке обеих таблиц мы видим главным образом звонкие согласные / потеря звонкости может быть вызвана теми или иными фонетическими особенностями, например, отсутствием звука z в некоторых языках /; легко доказать их происхождение от межзубного *ð.

Во второй колонке — только глухие согласные, которые, вероятно, происходят от первичного *s.

Каково же соотношение между приведенными выше суффиксами $-z$ $-s$ и суффиксом $-tar$, универсальным по своему употреблению в области тюркских языков / за исключением чувашского /?

Критическое рассмотрение всего предыдущего приводит нас к предположению, что $-tar$ представляет собой явление относительно недавнее и что именно этот суффикс был причиной исчезновения $-z$ и $-s$. Этот суффикс, в форме —

1. Н.И. Ашмарин, Указ. соч., 136-141.

Г. Матвеев. Краткий обзор чувашских диалектов, VI, Яфетический сборник", (1930), 128.

-*nar*, пытался также проникнуть в монгольский язык, но не достиг здесь того, чтобы выгеснить суффиксы множественного числа -*s* и -*d*; ему здесь удалось заставить признать себя только в группе имен, обозначающих разумные существа. Откуда же, однако, происходит этот суффикс -*tar* ~ -*nar* ~ -*tar* ? По этому поводу создано много гипотез:

одни опираются преимущественно на фонетические соображения, другие - на историко-морфологические. Мункачи¹ производит его от *otar* "они", деля это слово как *ot-a-r* и утверждая, что -*r* есть древний показатель множественного числа, якобы соответствующий -*z*. Он скрывает от себя, что в таком случае было бы призвано выполнять очень малоупотребительную функцию соединительного гласного, и старается дать объяснения. Но вся его этимология рушится перед фактом, что суффикс -*r* употребляется только в чувашском языке, где -*tar* как раз не существует, и что *otar* нужно разделить следующим образом - *o-tar* /наряду с *an-tar* и *on-tar* /, а это значит, что *otar* само по себе имеет суффикс, происхождение которого еще требует разъяснения.

В то же время Мункачи отвергает мысль, что тюркское -*tar* породило монгольское -*nar*, предполагая со своей стороны, что этот суффикс развился в самом монгольском языке, хотя и аналогичным -*tar* образом. Но с этим мнением согласиться трудно. Прежде всего Мункачи ошибочно приравнивает суффикс -*nad* ~ -*nat* к -*nar*; -*nad* встречается только в бурятских диалектах, тогда как -*nar* является общеупотребительным суффиксом не только во всех монгольских языках, включая и бурятский, но также и в письменном языке. Если -*nar* присоединяется всюду только к одной группе имен, то это потому, что ему не удалось, как это мы говорили выше, выгеснить древний суффикс -*s*, тогда как у тюрков -*s* исчезло почти полностью. В самом деле, монголы заимствовали именно ту форму -*tar*, которая у тюрков наименее распространена; moreover, это не должно удивлять, ибо монгольский язык знает еще и другие заимствования диалектных форм, возможно вследствие более частого контакта с тем или иным диалектом, обладавшим этими формами. Чтобы закончить с этим, заметим, что -*nar* не могло образоваться, как думал Мункачи, из *anu* /или *inu* /+ просто потому, что в монгольском языке *r* никогда не употребляется

1. KSz XVIII, 129-131.

ни для образования множественного, ни для образования двойственного числа.

Ж. Дени, как и Мункачи исходит из формы *otar*.¹ По его мнению, она могла выполнять функции связки после имен и вследствие частого употребления приняла на себя роль суффикса.

В. Банг² и М. Гясянен³ производят *-tar* от отглагольных форм: первый — от *uta-r*, второй — от *it-er*. Я уже имел случай⁴ выразить свое критическое мнение о гипотезе В. Банга, вследствие чего он сообщил мне письмом, что, учитывая современное состояние тюркологии, он отказывается от своего мнения.

Наконец, недавно Т. Ковальский в докладе, сделанном на Ш Конгрессе польских ориенталистов в Кракове, огласил свою точку зрения на происхождение и значение *-tar*. По его мнению, все попытки, сделанные до сих пор для освещения происхождения этого суффикса, имели характер скорее смелой интуиции, чем доказательств, основанных на совокупности строго аргументированных деталей. Со своей стороны Т. Ковальский высказывает мысль, что *-tar* некогда было одним из самостоятельных слов, какие до сих пор употребляют-ся в тюркских языках для выражения множественности.⁵

Это было бы, конечно, прекрасным разрешением вопроса, если бы оно не содержало в себе некоторых сомнительных пунктов. Насколько мне известно, никакого следа от самостоятельного слова *-tar* не найдено. Если даже оно когда-нибудь существовало, то, вероятно, занимало бы место перед существительным; следовательно, оно должно было бы проработать очень длительную эволюцию, чтобы получить, наконец, функцию суффикса. Представляется более вероятным, что оно

1. BSLP XXIV, n° 74, (1924), p. 11.

2. Bang. Studien (SBAW), 1916, XXXVII, 923 (25).

3. M. Gäsänen. Chansons populaires turques du Nord-Est de l'Anatolie, St O IV, fasc. 2 (Helsingfors, 1932), 6.

4. Kotwicz. Contributions aux études altaïques. A-B. CO n° 2 (Wilno, 1932), 28-29.

5. T. Kowalski. O funkcji znaczeniowej sufiksu liczby mnogiej *-tar, -ter* w językach tureckich, CO n° 6, 23-25.

скорее осталось бы самостоятельным словом подобно другим словам, которые приводит Ковальский /*čoq , köp , qač , az* , числительные/

Итак, не следовало ли бы направить наши разыскания еще в другом направлении?

В области алтайских языков допускается частое употребление совместного падежа, так сказать, неведомого тюркским языкам ; лишь один якутский язык имеет два суффикса , которые могут быть приняты во внимание: - *tan* (-*nan*, -*tan*, -*dan*) и -*tin* (-*nin*, -*tin*, -*din*) . По правде говоря, этот пробел может быть восполнен , до некоторой степени, отменными прилагательными, которые образуются с помощью суффикса - *tiy* ; но в других языках эти прилагательные не мешают одновременному существованию совместного падежа. Остается спросить себя, не существовал ли последний также и в тюркских языках и не был ли он образован именно прибавлением - *tar* ? В таком случае мы имели бы несколько суффиксов, близких по звуковому составу и по значению : - *tiy*, - *tar*, - *tin*, - *tan* .

Конечные согласные *y*, *r* и *n* в алтайских языках являются неустойчивыми элементами , и различие между ними не может считаться непреодолимым препятствием для сближения указанных суффиксов /ср, например, тюрк. *qa~qar* , монг. *du~dur*, *ba~bar* /. Замена функции совместного падежа на функцию множественного числа могла совершиться без большой трудности : "человек со своим сыном", "человек и его сын вместе", "все".

Эти сближения можно было бы продолжить и разыскать еще в других алтайских языках элементы - *ta* , *ta~ti* . Мы уже говорили о монгольском суффиксе множественности - *naq* и бурятском - *nađ* ; тем более не следует забывать тунгусский суффикс - *nasat* , отмеченный уже Кастреном в некоторых терминах родства /для очистки совести заметим , что Рамстедт находит в элементе *na* корейское слово *na* "человек"/.

В монгольском письменном языке и у калмыков мы встречаем загадочную частицу *tan* ¹ , которая иногда обозначает "другие и т. д." или служит в других случаях знаком почтительности /ма. *se* , китайск. *teng* "и другие"/; ее можно было бы сблизить с якутским суффиксом совместного падежа - *tan* . Наконец, суффиксы совместного падежа : мо. -*tuqa>tä*

В монгольском письменном языке и у калмыков мы встречаем загадочную частицу *tan* ¹ , которая иногда обозначает "другие и т. д." или служит в других случаях знаком почтительности /ма. *se* , китайск. *teng* "и другие"/; ее можно было бы сблизить с якутским суффиксом совместного падежа - *tan* . Наконец, суффиксы совместного падежа : мо. -*tuqa>tä*

1. Котвич. Спыг 2, 413 /§ 400/.

, бурятск. - $\dot{t}\bar{a}r$, калм. - $\dot{t}\bar{a}r\eta$, ордос. -
- $\dot{t}\bar{a}r\bar{e}n$ и тунг. - $n\bar{u}n$

Все это является, без сомнения, только новым порывом интуиции, к тому же в данный момент слабо подкрепленной материалами, но, быть может, заслуживающий того, чтобы быть подвергнутой, по справедливому совету Ковальского, испытанию огнем сопоставления с возможно большим числом безупречно проверенных фактов.

1У. Система тюркских личных местоимений.

Местоимение 3-го лица \dot{i} ¹, которое мы только что выявили почти во всех алтайских языках, и основа $i\bar{n}$ —, которая от него происходит, должны были относиться к переднему ряду, так же как и местоимения двух первых лиц: только в монгольском языке все личные местоимения единственного числа, в том числе \dot{i} , перешли в задний ряд.

Таким образом, в тюркских языках, когда это местоимение свелось к суффиксу $-\dot{i} \sim -s\dot{i}$, оно сперва относилось к переднему ряду и только со временем подчинилось закону гармонии гласных, сочетаясь то с передними, то с задними гласными. Это изменение могло произойти только постепенно, и можно до сих пор найти следы первоначального состояния, когда рассматриваемый суффикс принадлежал к переднему ряду.

В чувашском языке — мы знаем это давно, — притяжательный суффикс 3-го лица имеет формы ϵ и \dot{i} , где эти гласные оба передние и не подчиняются закону гармонии гласных, как бы для того, чтобы сохранить свое самостоятельное первоначальное состояние.² Ньне Рясänen подтверждает, что в диалекте, который он только что изучал в северо-восточной Анатолии, ему удалось установить наличие рассматриваемого нами суффикса $-\dot{i}$ ³ переднего ряда.

1. Не будет лишним отметить, что следы старинного существования подобного местоимения \dot{i} 3-го лица были открыты С.Ёшитакэ также в японском и корейском языках. См. S.Yoschitake. The History of Japanese particles I', B505 V, part 4, (1930), 889-895. Ср. ibid. VI, part III (1931), 647n.
2. Н.И. Ашмарин. Указ. соч., 134, „Islamica“ I, 422-423.
3. Räsänen. Beiträge zur Frage der Türkischen Vokalharmonie, JSFOu XLV, fasc. 3, 3.

Равным образом было замечено, что в рунических надписях притяжательные суффиксы - $i \sim -si$ и $-in \sim -sint$ транскрибируются обычно посредством s^2 и n^2 , и это дало Радлову право уже в 1895 году выдвинуть гипотезу о наличии и здесь суффикса с передним i , не подчиняющимся гармонии гласных¹.

Против этой гипотезы выступил с целым рядом возражений П. Мелиоранский², но в 1916 году Томсен³, обходя молчанием эти возражения, также заявил, что $-si$, вероятно, обладало, в языке Орхонских памятников, неизменяемым небным гласным, так как оно пишется всюду без исключений посредством s^2 , что доказывало, что он присоединился к мнению Радлова. В настоящее время Гясянен также считает, с некоторыми ограничениями, что первообразное i в рунических надписях было передним гласным⁴.

Хотя Томсен и Гясянен делают вывод, что они не знают возражений Мелиоранского, оговорки, которые они делают, совсем не свидетельствуют о том, что эти возражения их не беспокоят. В самом деле, вопрос осложняется тем фактом, что s^2 и n^2 появляются в словах заднего ряда не только с суффиксами 3-го лица, но также и в других случаях; кроме того, смысл этой особенности, которая образует такой поразительный контраст с систематической правильностью рунической орфографии, еще не был должным образом объяснен. Нужно еще сказать, что в 1897 году Радлов⁵ сообщил о том, что на памятнике в честь Кюль-Тегина стоят рядом слова: $j\ddot{a}ri\ddot{a}g\ddot{u}$ и $subi\ddot{a}g\ddot{u}$, где употребляются разные буквы r^2 и r^1 , что, по-видимому, свидетельствует в пользу того факта, что все гласные первого слова относят-

1. Radloff. Die alttürk. Inschr. Dritte Lief. (1895), 185, 401; idem. NF, 9, 14-15; V. Grönbeck. Forstudier til tyrkisk lydhistorie (Silbstanzeige), KSz IV, (1903), 117.

2. П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВОРАО XII, вып. 2 и 3 /1899/, 51-52.

3. V. Thomsen. Turcica (MSFOu XXVII), 31.

4. Räsänen. Beiträge zur Frage der Türkischen Vocalharmonie I, JSFOu XLV, fasc. 3, 2-3.

5. Radloff. Die alttürk. Inschr. NF, 83; ср. Thomsen. Inscriptions de l'Orchon, MSFOu V (1896), 127.

ся к переднему ряду, а все гласные второго слова — к заднему. Отсюда можно заключить, что, по крайней мере в некоторых случаях, рунические надписи проводили в отношении рассматриваемого суффикса \dot{i} и \ddot{i} , разницу между формами переднего и заднего ряда, совсем как в современных тюркских языках, за исключением, может быть, двух живых языков: чувашского языка и одного анатолийского диалекта.¹

Если местоимение 3-го лица единственного числа $*\dot{i}$ или $*\ddot{i}$ имело во множественном числе, как это мы видели, форму $*a$ или $*an$ —, местоимения двух первых лиц $m\ddot{a}n$ — и $s\ddot{a}n$ ² также должны были бы иметь форму man и san . Однако мы не находим этих форм ни в живых, ни в известных нам мертвых языках, по-видимому, они исчезли. Но посмотрим — не остались ли от них какие-нибудь осколки? Не являются ли ими случайно формы дательного падежа единственного числа $ma\eta a$ / $ba\eta a$ / $sa\eta a$, которые существуют в большей части /тюркских/ языков вместо тех форм с передними гласными, которые следовало бы ожидать? Радлов считал основы man -(ban -) и san —новообразованиями, принявшими такой вид под воздействием $a\eta a$ ³. Следовательно, он из этого делал вывод, что рунические памятники, будучи самыми древними, не могли содержать этих новообразований, и читал формы дательного падежа как $b\ddot{a}\eta a$ - $m\ddot{a}\eta a$ и $s\ddot{a}\eta a$. Но нам трудно допустить вместе с ним это воздействие основы an —, так как оно должно было бы проявиться и в других падежах при склонении личных местоимений, исходя из того; что an — вообще преобладает в косвенных падежах. Мы не удивляемся, что Томсен не принял гипотезы Радлова и читает формы дательного падежа как $ba\eta a$ - $ma\eta a$ ⁴, —урок, в котором он взял верх. Это означает, что формы с a должны считаться такими же древними, как и формы с \ddot{a} , и речь

1. Grönbech. Sprachbau, 93.

2. В оригинале в этом случае man = и san =, но согласно общему ходу рассуждений автора, здесь, очевидно, следовало бы дать обычные $m\ddot{a}n$ = и $s\ddot{a}n$ =, по отношению к которым гипотетические $*man$ = и $*san$ = были бы формами мн. числа.
—Прим. перев.

3. Radloff. Die alttürk. Inschr. NF, 78.

4. Thomsen. Inscriptions. 10, 29.

идет только о том, чтобы объяснить загадку их происхождения в единственном числе.

Богородицкий¹ допускает возможность того, что обратное воздействие дательного падежа могло оказать окончание *ya*. Эта гипотеза ничего не объясняет, так как данное окончание имеет и передний вариант — *gä*.

Наоборот, основа *an* — оказывает нам здесь ценную помощь: *an* — должна была иметь первоначально, как мы видели, значение множественного числа, а потом перешла в единственное число, выгеснив оттуда основу **in* —. Допустимо стало быть предположение, что первоначально были основы: *män- ~ bän- ~ sän-* (*min- ~ bin- ~ sin-*)

и во множественном числе: *man- ~ ban-* и *san-*. Но со временем формы множественного числа, образованные таким образом, исчезли, оставив после себя только форму дательного падежа, которая перешла в единственное число и продолжает жить в большей части языков. Этот переход форм из множественного в числа в единственное не удивителен, так как в алтайских языках, как и во многих других, часто употребляют множественное число, говоря об одном лице.

Если последующие разыскания подтвердят наши гипотезы, то древняя система тюркских личных местоимений будет иметь следующий вид:

ед. ч.	мн. ч.	двойств.ч./у.
1. <i>mä(n), bi(n), mi(n)</i>	1. * <i>ba(n), *ma(n)</i>	1. <i>biz</i>
2. <i>sä(n), si(n)</i>	2. * <i>sa(n)</i>	2. <i>siz</i>
3. * <i>ä(n), *i(n)</i>	3. <i>a(n)</i>	3. * <i>iz</i>

Б. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И НАРЕЧИЯ.

Монгольские и тюркские языки выработали очень простые системы вопросительных местоимений, которые обнаруживают между собой большое сходство. К этим языкам приближается язык маньчжурский.

Напротив, тунгусские языки, особенно северные, располагают значительной группой местоимений этой категории, которая, однако, имеет мало общего с соответствующими монгольскими и тюркскими местоимениями. Но так как все эти языки были между собой в продолжительном контакте, некото-

1. Богородицкий. Введение, 116

рые из монгольских и тюркских местоимений проникли в тунгусскую область; однако эти заимствования до сих пор выявлены лишь в ограниченном числе знаков.

Читатель найдет ниже три свободных таблицы, из которых первая содержит тюркские вопросительные местоимения рядом с монгольскими местоимениями с прибавлением тех, которые были заимствованы тунгусами у тюрков и монголов: во второй таблице представлены местоимения южных тунгусов, а третья прибавлена для того, чтобы дать местоимения северных тунгусов с краткими комментариями.

1. Тюркские и монгольские местоимения.

	"кто"	"что"	что	какой? где?	когда?	Сколько?
Тюркс.	kim~ käm	ne	čū ~ jū	qa qa-j qa-n	qa-čan	qa-č qa-n-ča
Монг.	ken		ja-žun jan jün jem	ха-ми-ја ха (схага) ха-ј	ke-ži je	ke-düj- (свр.хü-dü)
Маньчж.			ja	a-j an-ta-qa		u=du
Ламут.			ja, jan jak			
Гольд.				ха-ј ха-та-ча	ха-1	
Сроч.			jaü, ju	a-wa-si? „versou“? куда?	a-le	a-diha
Тунг.				a-w-yü	a-ti	a-di

Из этой таблицы видно, что тюркский элемент **qa** получил широкое распространение во всем алтайском мире во всех вариантах: **qa, qaj, qan**. Первичное **q**, откуда развилось **х**,

исчезло в маньчжурском, ороцком и тунгусских /сев./ языках. Пельо уже указывал, что в некоторых тунгусских языках этот звук утрачивается в монгольских заимствованиях, но не было показано, чтобы то же самое имело место с тюркскими элементами, и ярким примером этого служат маньчжурские слова *aǰ* и *antaqa*, которые могут быть введены только из тюркских *qaj* и *qandaq*. Тюркское *qa* обладает чаще всего адвербиальным значением, но иногда оно образует и имена. В монгольском языке оно выступает только в первом значении, а в тунгусских языках — скорее во втором.

Этому тюркскому элементу *qa* противопоставляется в некотором отношении монгольский элемент *ke*. В тюркских языках его можно заподозрить в местоимении *kim ~ kām*. Он обнаруживается также в маньчжурском языке, но в значительно измененной форме в виде *u* в слове *udu* "сколько", очевидно, заимствованном из восточных монгольских диалектов; именно там мы встречаем слово *χüdü*, которое происходит от старописьменной формы *kedüj* и которое, перейдя на маньчжурскую почву, потеряло начальное *χ* и дало *udu*.

Чтобы выразить местоимение "что", монголы используют элемент *ja*, —форма, которая, однако, не была установлена в чистом виде на монгольской почве. Два арабско-монгольских словаря — словарь Ибн-Муханны, изданный Мелиоранским¹, и лейденская анонимная рукопись — содержат местоимение *jan* "что?", соответствующее монгольскому *ken* "кто?". Эта форма удержалась, однако, не у всех монголов, и в наши дни ее удалось установить только у монголов — в форме *jān*², у широнголов — *jaŋ*³ и у калмыков — в парном выражении *ken jan* „*wer und welcher, der eine und der andere*“⁴

/"кто и который, один и другой"/. Впрочем, письменный монгольский язык знает только форму *jaγun*, которая вошла почти во все живые языки как *jün* /иногда *jün* /:

jaγun > *jaun* > *jün* > *jün*. Это местоимение также широко распространилось, проникнув к ламутам на берегах рек Ана —

1. П. М. Мелиоранский. Араб-филолог. о монгольском языке

З В О Р А О Х У, вып. 2-3 /1904/, 118

2. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина, 425.

3. Ramstedt. Pronomina, 15; idem. Kalmückisches Wörterbuch, (Helsinki, 1935), 225.

дырь и Омслон, с одной стороны, и к сибирским татарам, с другой. Заметим еще, что у других народов элемент *ja* приобретает значение не только самостоятельного слова /*ja* /, но дает также целый ряд вариантов, которые отражают отдельные этапы эволюции мо. *jaun*. У орочей, например, выявлены такие местоимения, как *ju* "что?", *jau* "какой?", и *jaunka* "что?" /Льонтович/: *jawo* "что, о чем?" /Прото-диаконь/.

В группе сибирских тюркских языков мы находим мо. *jun* в двух видах: а/ *ju* или же *jü* в диалектах лебединском и туба¹ /черневые татары/²; б/ *çü* или же *çü* в урянхайском и карагасском языках³.

Уже авторы Грамматики алтайского языка, а после них Радлов и Рамстедт⁴, заподозрили тут заимствование из монгольского; но Банг, имея в виду, впрочем, только форму *jun*, решительно выступил против, видя в этом „*echttürkisches Interrogativum*"/"истиннотюркское вопросительное"/, но не привел достаточных доказательств, подтверждающих его мнение⁵. Но тем более трудно допустить это, так как если бы это было действительно истиннотюркское местоимение, оно было бы найдено еще в других местах и прежде всего в старинных текстах; между тем даже в диалекте туба с ним соперничает слово *nä*. *Ç*, в форме *çü* ~ *çü* появилось из-за отсутствия начального *j* - в языке урянхайцев. Изменение мо. *ü* в тюрк. *ü*, отмеченное, впрочем, только Катановым, могло быть вызвано *j*. Впрочем, вопрос, кажется, может быть решен сопоставлением тюркских форм с формой монгольской, а также вообще благодаря наличию монголь-

1. Радлов. Словарь ПЛ, 533-534; Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии /Казань, 1869/, Словарь, 178; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка /Казань, 1903/, 343 и табл. УП.

2. W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türkssprachen* (Leipzig, 1882), XXVI-XXVII.

3. Катанов. Опыт, 342 и табл. 8.

4. G. J. Ramstedt. *Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte*. KSz XVI, 67.

5. Bang. KOSM I, 26-27.

ских элементов в названных языках, в особенности в урянхайском.

Еще в 1906 году Рамстедт сообщил о возможном существовании в монгольском языке двух вопросительных корней: *ja-* и *je* — идентичных с тюркским *nä* "что"¹; позднее, в 1916 году, он вернулся к своей гипотезе и привлек, кроме того, тунгусское *i* "что".

Эта гипотеза основывалась главным образом на существовании *jem* "что" в монгольском и *jekin* "как" в монгольском языке. Это последнее слово встречается уже в "Сокровенном сказании" монголов. Можно, кроме того, принять в расчет, что в пекинском издании романа, героем которого является Гесер-хан, часто встречается глагол *jejikü* "как делать"². В бурятских диалектах, как это установили Кастрен и Руднев, употребительная форма *jü*; дагуры и алары имеют *jü* и *jü* (*kjö ~ jö*), а горлосы /восточные монголы/, по Рудневу, — *jun ~ jün*. Кажется неоспоримым, что в живых диалектах переход гласного *ü* из заднего ряда в передний происходил под влиянием *j*. Можно, стало быть, предполагать, как впрочем и делают³, что старописьменная форма *je* — образовалась таким же образом. Ср. солонское *jeme*.

С другой стороны, основной формой тюркского местоимения является *nä*. По правде говоря, в некоторых языках имеется еще местоимение *nö* /По Катанову/⁴, или же по /по предположению Банга /, а также вопросительная частица ; и хотя тюркологи расходятся во мнениях относительно происхождения этих слов, однако, по всей вероятности, в основе повсюду лежит слово *nä*. Поэтому Банг был, по-видимому, прав, возражая против сближения тюрк. *nä* с монг. *ja ~ je*.

Подобно Рамстедту,⁶ я также не мог найти определенного родства для мо. *ali* "какой, который?". Во всяком случае, трудно принять его предположение о наличии связи между мо.

ali и ма. *aj*. Это последнее должно выводиться, как это мы видели, из тюркской основы *qaj*, которая в монгольском языке имеет форму *qaj*, т. е. еще не утратила своего

1. Ramstedt. Pronomina, 16.

2. „Asia Major“ III, fasc. 1 (1925), 9.

3. Ibid.

4. Катанов. Слгг, 343, табл.

5. Bang. KOsm I, 25.

6. Ramstedt. Pronomina, 17.

начального согласного. Его другое предположение о происхождении *ali* из **jaj*¹ также вызывает сомнения.

Что касается П. Шмидта, то он ставит *ali* рядом с тунг. *ali* и ороч. *ale, alida* "когда", но корень *a* этих слов должен выводиться из тюркского *qa*, которому в монгольском соответствует *ха*. Указанная выше трудность вновь появляется и здесь.

П. Местоимения южнѣх тунгусов.

	"кто?"	"что?"	который? какой?	"Когда"	"Сколько ко"	"Как?"
маньчж.	<i>wɛ</i>	<i>aɟ</i>	<i>ja</i>	<i>aɟaŋgi</i>	<i>udu</i>	<i>adaramɛ</i> <i>absi</i> куда
ульч. Шмидт/	<i>uj</i> <i>uji</i> <i>ɟuj</i>	<i>ɟaj</i>	<i>ɟawu</i> 'который?' <i>ɟamata</i> 'какой?' что?'	<i>ɟali</i>	<i>ɟadu</i> <i>ɟoni</i>	
гольд. Шмидт/	<i>uj</i>	<i>ɟaj</i>	<i>ɟawuj</i> 'который?' <i>ɟamaɟa</i> 'какой?' что?'	<i>ɟal</i>	<i>ɟadu</i> <i>ɟone</i>	
гольд. /Протодин- аконов/	<i>uj</i>	<i>ɟaj</i>	<i>ɟawuj</i> который? <i>ɟamaɟa</i> какой?'	<i>ɟal</i>	<i>ɟadu</i>	<i>ɟon</i> <i>ɟone</i> 'сколько'
ороч. /Ле- онтович/	<i>ni</i>	<i>ju</i>	<i>juu</i> 'какой?'	<i>ale</i> <i>alida</i>	<i>adiha</i>	<i>ohe</i> 'сколько'

Приведенные таблицы свидетельствуют, что тунгусы пользуются для вопросительных местоимений частично собственными корнями, а частично заимствованными у тюрков и монголов.

1. Ramstedt. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte, KSz XVI, 6

Тунгусские корни:

1. we~uj „que?“ „кто?“ /юк/
2. nī~ŋī (nī~ŋi)¹ „que?“ „кто?“ /сев/
3. ī~ē „quoi?“ „что?“
4. xō~ō (xo~o) „combien? quel?“ „сколько?какой?“

Заемствованные корни:

1. xa~a (xā~ā) „quel?“ „какой?“
2. xaj~aj „quel?“ „какой?“
3. ja~jai~ji „quoi, quel?“ „что?, какой?“

Начальный звук *χ* появляется только в небольшом числе языков /у гольдов, ульчей, самаров/; большей частью его опускают.

Ш. Местоимения северных тунгусов

	„кто?“ nī~ŋī	„что?“ ī~ē	„какой?“ a	„сколько?“ a-di	„Когда?“ ā-ki	„Как?“ ō-n
Нерчинск. /Кастрен/	nī	īkun-ēkun	awgū~ abgū	adi	ōkin ōkidu	ōn
Бургузинск.	nī	ēkun quoi? что? idu „ou?“ где?	awgu	adi	ōkidu	
Кондогирь /Чеканов- ский/	ni	ekum, idu ou?“ где?			okin	on
Эвенки /Василевич/	ŋi	e- ir- ekun, ema	awgu awadi	adi asun	oki(n)	ōn
Солоны	nixe	ī, quoi?“ что?“ ir, lequel который?	āpū qui? кто?“	adi	ōxidu	ōndī „quel?“ какой?
Нэгидальцы /Мельникова и Цинцаус/	ni	ēxun, ē „quoi? что?“ i „lequel“ который?	aw(r)u	adi asun	oxin ali	on
Ламуты ана- дырские /Май- дель/	ŋi	ja, ila „ou?“ где?	augit „d'ou?“ откуда?	ašula „ou?“ где?	ok	on
Ламуты омо- лонск. /Богораз/	ni nija	jak „quoi?“ что? iročin lequel?“ который igak „lequel“ который	awūw	adi	ok	on

1. Г. М. Василевич. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1934, 148; Её же. Эвенкийско-русский словарь, Л., 1934, 140.

В. УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕН- НИЯ И НАРЕЧИЯ

Чтобы обозначить предметы удаленные или приближенные, монгольский язык использует слова, образованные на базе трех пар корней или основ:

e-	i-	nā-
te-	či-(^ʔ ti)	čā-

Первое слово каждой пары обозначает предметы приближенные, каждое второе — предметы более отдаленные.

Приведенные выше основы не имеют характера отдельного слова, только в двух архаических языках — моголов в Афганистане и монголов китайской провинции Ганьсу — было установлено употребление **te** в качестве самостоятельного местоимения со значением "этот".

Первая пара / e - , te - / употребляется в монгольском и ойратском, как в письменном языке, так и в живых диалектах, и оказывается весьма распространенной. Напротив, две другие пары i//či- и nā-//čā- встречаются только в небольшом числе примеров.

Из приведенных выше рассуждений относительно местоимений 3-го лица следует, что две первые пары основ тесно связаны между собой: по существу это одна пара в двух вариантах, подобно тюркским местоимениям 1-го и 2-го лица

(mān ~ min , sän ~ sin). Первоначально это могли быть, как в тюркских языках, только диалектные варианты, которые почти не различались по значению, но со временем монголы попытались провести между ними известную дифференциацию, подобно тому, как формы i- и ti- приспособились к местоимениям bi и či, приняв на себя значение местоимений 3-го лица, тогда как формы e- и te- стали указательными местоимениями. Это различие, однако, никогда особенно не выделялось и в конце концов стерлось. Вариант i-//či исчез, тогда как другой e-//te- приобрел значение указательных и в то же время личных местоимений.

Рядом с корнями e- и te- появляются три растяженные основы, которые по значению ничем от них не отличаются:

e-n-	te-n-
e-j-	te-j-
e-gü(n)-	te-gü(n)

Собственно указательные местоимения, образованные от

корней *e-*, *te-*, имеют следующие формы:

общемонгольское	<i>e-ne</i>	<i>te-re</i>
могольское	<i>enā</i>	<i>te</i>
монгорские	<i>nie</i>	<i>t'ie</i>

Если архаические языки /моголов, монголов/ сохранили древние формы, можно предполагать, что общемонгольский язык пользовался основами *e-*, *te* как самостоятельными словами; что затем основа *e-* соединилась с суффиксом *-ne*, а позднее к *te-* также прибавили суффикс *-re*. В то же самое время некоторые языки — такие, как монгорский, — наоборот, отбросили начальный *e-*, чтобы создать пару **ne*, *te* /в монгорском, склонном к палатализации, *nie*, *t'ie*/.

Кроме этих местоимений, корни *e-* и *te-* так же как и растяженные основы, образуют, с помощью различных суффиксов, большое число указательных местоимений и наречий. Более того, можно заметить, что они располагают сходными по структуре вопросительными коррелятивами. И это вполне естественно, так как указательные слова являются логическим ответом на соответствующие вопросительные.

Таким образом, мы зарегистрировали в приводимой ниже таблице наиболее важные производные слова рядом с соответствующими им вопросительными:

"кто?"	"какой?"	"этот"	"тот"
<i>ke-</i>	<i>ja-</i>	<i>e-</i>	<i>te-</i>
<i>ke-dü-(j)</i> <i>ke-ši-je</i> (калм.) <i>kežā</i>	* <i>ja-du-(j)</i> (калм. <i>jadū</i>) <i>ja-ši-ja</i> (калм. <i>jažā</i>)	<i>e-dü-(j)</i> <i>e-dü-ge</i> <i>e-ši-je</i>	<i>te-dü-(j)</i> <i>te-ši-je</i>
<i>ke-n</i>	<i>ja-n</i>	<i>e-n-de</i> калм. <i>e-ŋ-ge-kü</i>	<i>te-n-de</i> бур. <i>te-ŋ-ge-kü</i>
<i>ke-d</i>		<i>e-de</i>	<i>te-de</i>
	<i>ja-yu(n)</i> ; <i>ja-yu-ma</i> <i>ja-ji-xu</i> (<i>je-ji-kü</i>)	<i>e-gu(n)-</i> <i>e-gün-čile-n</i> <i>e-ji-kü</i> <i>e-ji-mü</i> <i>e-ji-ši</i>	<i>te-gu(n)</i> <i>te-gün-čile-n</i> <i>te-ji-kü</i> <i>te-ji-mü</i> <i>te-ji-ši</i>
* <i>ke-m</i> калм. (<i>ketär</i>)	<i>ja-m-bar</i>		
		<i>e-ne</i>	<i>te-re</i>
		* <i>e-ne-gün</i> (анал. <i>e-nün</i>)	* <i>te-re-gün</i> (анал. <i>te-rün</i>)

Корни *i-*, *či* указательного значения сохранились в письменном языке едва в нескольких примерах; к этим корням всегда прибавляется суффикс *-na*, и таким образом образуются адвербиальные основы *ina-*, *čina*, выступающие в следующих словах:

<i>inaγši</i>	"в эту сторону, сюда"	<i>činaγši</i>	"в другую сторону, туда"
<i>inadu</i>	"находящийся здесь, по эту сторону"	<i>činaadu</i>	"находящийся там, по ту сторону"
<i>inaru</i>	¹ "в эту сторону, до сих пор"	<i>činaru</i>	³ "в ту сторону, до тех пор"
<i>inaγunki</i>	² "находящийся здесь, по эту сторону"	<i>čina</i>	⁴ "по ту сторону"

В противоположность *i*, *ti* мы находим основы *na*, *ča* в живых языках и в ойратском письменном языке, но тоже только в нескольких примерах, которые также имеют в своем распоряжении вопросительные коррелятивы:

Ойратский			Калмыцкий	
/письменный/			/разговорный/	
<i>χā</i>	<i>nā</i>	<i>cā</i>	<i>nā</i>	<i>cā</i>
	<i>nādu</i>	<i>cādu</i>	<i>nātka</i>	<i>cātka</i>
<i>χāru</i>	<i>nāru</i>	<i>cāru</i>	<i>χamāgān</i>	<i>nārān</i>
<i>χāna</i>	<i>nāna</i>	<i>cāna</i>	<i>χārān</i>	<i>cārān</i>
	Халха		Аларский	
<i>χānə</i>	<i>nānə</i>	<i>cānə</i>	<i>nādā</i>	<i>sādā</i>
<i>χājšə</i>	<i>nāšə</i>	<i>cāšə</i>	<i>nāšā</i>	<i>sāšā</i>

В монгольском языке установлено существование форм *paγše*, *či'iaγše*, и *taγše*, из которых последняя заслуживает особого внимания.

1. Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, 149.
2. Б . Я . В л а д и м и р ц о в. /изд/ *Bodhicaryāvatāra, Śāntideva* Монгольский перевод *Čhos-kyi 'hod-ser'a.*, "Bibliotheca Buddhica", XXVIII /Л, 1929/, 129 и сл. /гл. IX 2 a, d ; 13 d ; 15b ; 39 a ; 106 a ; c ; 107 b , d /.
3. Монгольские словари содержат только *inaru*, им неизвестно *čina*.
4. Эта форма и указание на источник взяты из авторского рабочего экземпляра. Значение см. "Сокровенное сказание". Монгольская хроника 1240 года. М - Л, 1941, §257 и раздел "Словари". - Прим. перев.
5. Smedt-Mostaert. Dictionnaire Mongour-Français, 225, 406, 442.

Словари монгольского письменного языка содержат также формы *narana* "по эту сторону" и *сарана* "по ту сторону", но они вошли туда, должно быть, через посредство живых диалектов совсем недавно.

Что касается происхождения основ *nā-*, *ṣa-*, которые в 1906 г. казались Рамстедту еще "ganz dunkel" / "совершенно темными" /, то в настоящее время мы считаем возможным утверждать, что они находятся в прямой связи с *i-ti-* и, следовательно, с *e-*, *te-*. Они развились из *i-*, *ti-* приблизительно также, как в монгольском языке *nie*, *t'ie* развились из *e-* и *te-*:

<i>i-</i>	<i>ina</i>	<i>ina</i>	<i>*na</i>	<i>nā</i>
<i>ṣi(<ti)</i>	<i>ṣi</i>	<i>*ṣiya</i>	<i>ṣā</i>	<i>ṣā</i>

Появление гласного *a* в этой эволюции, по-видимому определялось двумя обстоятельствами. С одной стороны, *i-* и *ti-* по аналогии с личными местоимениями *bi* и *ṣi*, перешли в монгольском языке в задний ряд, с другой же стороны, дело заключалось в том, чтобы создать однообразный ряд слов, отвечающих на вопросительную основу

ха-(хага>хā)

Надо заметить, что монголы, которые, создавая указательные слова, стремились построить однообразные ряды, тем не менее употребляли в совершенно сходных условиях три различных суффикса: *-ra*, *-na* и *-ya*. Эти суффиксы имеют идентичное значение, как мы это увидим дальше. Суффикс *ya* определил растяжение *ṣā*, а также возможно по аналогии, и *nā*.

В маньчжурском языке мы находим две пары обычных указательных корней:

<i>e-</i>	<i>u-</i>
<i>te-</i>	<i>tu-</i>

в следующих местоимениях и наречиях:

ere tere "этот", "тот"

eri teri "тут" "там"

ende tende "тут", "там"

antaqa enteke tenteke "какой", "этак", "такой"

uttu tuttu "этак", "этак", "такой", "так"

uba tuba "тут", "там"

utata tutata "вот только столько, столько".

Первая пара / *e-* и *te-* / очевидно, монгольского происхождения. Существительное, которое доставило большие трудности ученым. Ср. наблюдения Рамстедта / *Pronomina*, 12 - 13 /.

исхождения; вторая пара / u- и ṭu- /, напротив, представляет явный маньчжурский параллельный вариант от этих же корней.

Кроме того появляется основа *ṣa* -, также заимствованная из мон. *ṣā* и тоже обозначающая более отдаленные предметы. Однако маньчжуры не заимствовали мо. *nā* - и, чтобы обозначить предметы близкие, они используют корень первой группы *e-* /и в одном случае *i-* /:

<i>ebele</i> "здесь, с этой стороны"	<i>ṣala</i> "там, с той стороны"
<i>ebergi</i> "находящийся по эту сторону"	<i>ṣargi</i> "находящийся по ту сторону"
<i>absi</i> "куда"	<i>ṣasi</i> "туда, в ту сторону"
<i>ebsi</i> (<i>ebesi</i>) "сюда, в эту сторону"	"по ту сторону"
<i>ere</i> "этот", <i>tere</i> "тот"	<i>ṣara</i> "тот еще дальше"
<i>aṅgi</i> "когда"	<i>eṅgi</i> (<i>e+ineṅgi</i>) <i>ṣaṅgi</i> (<i>ṣa+ineṅgi</i>) "позавчера, третьего дня"
<i>iṣḥun</i> "стороной, лицом"	<i>ṣaṣḥun</i> "повернутый другой стороной, задом"
<i>adarama</i> "как" ¹	

Таким образом, в маньчжурском языке *ṣa* появляется также в паре с соответствующими словами, иногда с интересной особенностью. Слово *ṣara* образует противовес не только местоимению *ere*, но также и *tere*, откуда вытекает трехчленное сочетание, в котором первое слово (*ere*) обозначает близкие предметы, второе (*tere*) - несколько отдаленные, и третье (*ṣara*) более удаленные /отделенные от первого предмета другим или же вдобавок находящиеся совсем вне поля зрения/. Эта особенность не выявляется в монгольском языке, но мы ее обнаружим в тунгусских и тюркских языках.

У маньчжуров мы установили это явление только в одном сочетании. Помимо этого случая мы встречаем *ṣa* - только в приведенных выше подобранных по пару выражениях, в которых он явно заменил корень *te* -.

Что касается системы указательных местоимений, которая существует в тунгусских языках, то ее довольно трудно представить с точностью из-за недостатка надежных данных. Можно предположить только следующее: всюду существует пара корней *e* - /пишут иногда также *e*, *a*, *o* и даже *o/* и *ṭa* -, которая образует тунгусский вариант, параллельный монгольским и маньчжурским корням *e* - и *te* -, и ко-

¹/Из авторского рабочего экземпляра, -Прим. перев.

торая имеет соответствующий вопросительный коррелятив \bar{i}
 К этим корням \bar{i} -, ϵ - и $\bar{t}a$ - прибавляется суффикс
 $-r$, и таким образом можно построить следующую таб-
 лицу:

"который"	"этот"	"тот"
\bar{i} -	ϵ -	$\bar{t}a$ -
ir	er	$\bar{t}ar$

Это $-r$ появляется только в именительном и некото-
 рых других падежах, а в остальных оно опускается.

Помимо этого, указательные основы часто принимают
 /особенно в южных языках/ с одной стороны $-wa$ /-и /,
 $-wa$, $-wo$ /-wö / в маньчжурском $-be$ /, и, с другой
 $-ta$, откуда образуются новые основы. Значение этих
 суффиксов неясно. Оно было уточнено только в одном случае.
 Кастрен действительно отметил у нерчинских тунгусов три
 указательных местоимения: $\bar{a}r$ "dieser" /"этот"/, $\bar{t}awar$
 "dieser da" /"этот, там"/ и $\bar{t}ar$ "jener" /"тот"/. Сгало
 быть, суффикс $-wa$ послужил здесь для образования строе-
 ной группы местоимений, и таким образом оказалось возмож-
 ным выразить значение "именно этот". Никакой другой слу-
 чай строенных групп указательных местоимений не был, на-
 сколько я знаю, отмечен в тунгусских языках.

Наряду с ϵ -и $\bar{t}a$ -в тунгусских, как северных так
 и южных, языках, мы встречаем $\bar{c}a$ -, служившее для обозначе-
 ния более отдаленных или расположенных напротив предметов.
 Представляется совершенно очевидным, что оно монгольского
 происхождения и, вероятно, сохранило долгий гласный \bar{a} ;
 Кастрен действительно пишет $\bar{c}\bar{a}$; другие исследователи, как
 правило, долготы не отмечают, без сомнения из-за неточнос-
 ти их транскрипции.

В гольдском языке /Грубе / $\bar{c}a$ "это" употребляется
 как самостоятельное слово. Но чаще всего оно встречается с
 адвербиальными окончаниями : $\bar{c}\bar{a}ta$, $\bar{c}\bar{a}du$, $\bar{c}\bar{a}git$,
 $\bar{c}\bar{a}ski \sim \bar{c}\bar{a}ski$.

Здесь встает вопрос: какому же слову противопоставля-
 ется $\bar{c}a$? У нас есть только одно указание для решения
 этого вопроса. Кастрен отметил у нерчинских тунгусов сло-
 во $\bar{a}wgid\bar{a}$, отмечено у баргузинских $\bar{c}\bar{a}gd\bar{a}$ "проти-
 воположная сторона". В том и другом слове обнаруживается,
 очевидно, один и тот же суффикс $gid\bar{a} \sim -gd\bar{a}$, который
 часто употребляется в тунгусских языках для образования
 существительных со значением "сторона, направление". Поэтому

законно предположить, что вышеназванные слова образуют парные выражения в которых $\check{c}\bar{a}$ — противопоставляется ϵ — / \check{a} — /, как и у маньчжуров.

Но нужно учесть еще одно обстоятельство. В районе Нерчинска уже Кастрен отметил слово $bargi$ "расположенный на другой стороне". В других местах также были найдены слова, образованные от того же корня: $bargi$, $bagde$, $baje$ /отмеченные Грубе в его *Wörterverzeichnis*/; у маньчжуров есть слово $ba\check{z}i$. Не исключено, стало быть, что некогда ϵ — имело другое корреспондирующее с ним слово — ba , вытесненное впоследствии заимствованным у монголов словом $\check{c}\bar{a}$ —.

В тюркских языках основная система указательных местоимений покоится на противополжении близких предметов предметам отдаленным, но находящимся еще в пределах видимости, и затем, предметам еще более отдаленным и находящимся уже вне поля зрения. Это — местоимения bu , $\check{s}u$, ot . Наряду с ними в косвенных падежах появляются основы $tu(n)$ —,

$\check{s}u(n)$ —	$o(n)$ —	$\sim a(n)$ —
bu	$tu(n)$ —	
$\check{s}u$	$\check{s}u(n)$ —	
ot	$o(n)$ —; $a(n)$ —.	

Кроме того, здесь имеются еще и другие указательные корни, очевидно представляющие собой остатки от других систем, конечно, более древних: $i//a$, ti , $b\check{a}$.

Эти два местоименных ряда, без сомнения, совершенно различные по своему происхождению, оказываются связанными посредством a , которое занимает место как в первом, так и во втором ряду.

Мы уже занимались корнями $i//a$, когда рассматривали местоимения 3-го лица. Они встречаются в рунических текстах, а также в уйгурских текстах из Турфана, образуя нечто вроде системы:

$inc\check{a}$	$inaru$	$incip$	$ilti$ (ср. с $glti$)
$an\check{c}a$	$a\check{n}aru$		

По этому поводу мы уже высказывали выше предположение что первоначально формы, производные от i , были формами единственного числа, а формы, производные от a , — формами множественного числа, как в монгольском языке.

Эти последние сохранились у тюрков до наших дней, особенно в качестве косвенных падежей указательно-личного местоимения ot .

Наоборот, что касается корня i , то его следы нахо-

дят с трудом в современных языках балкар. inol "jener",
 jener dort" /"тот, тот там"/, inanda "dort" /"там"/;
 якут. innik "такой", inno-injä "туда-сюда",
 mantaninjä "вперед"²;
 азерб., бараб., тоб, тат., чаг. indi "теперь", тар.
 indin "после-послезавтра"³;
 саг., койб., кач. edī "так, таким образом".

Указательно-личный корень *i должен был относиться, как мы уже говорили, к переднему ряду, тогда как на мон-гольской почве он перешел в задний ряд. Можно подумать, что примеру монголов последовали в этом отношении уйгуры из Турфана, а, может быть, и несколько других тюркских племен, и что Банг⁴ был прав, когда он писал inagi; он ошибался только в том, что членил это слово на два элемента: in-agi, относя первую часть к переднему ряду, а вторую — к заднему. Это слово скорее следует целиком относить в задний ряд /как это сделал сам Банг в своей более поздней работе/⁵ и расчленил его таким образом i-n-a-ri, считая корнем одно i.

В пользу признания inagi в произношении с передними гласными говорит его сокращение: nagi, о чем вопрос будет поставлен ниже. Но нет таких данных для решения вопроса о произношении двух других уйгурских слов, производных от i: inča, inčir или же inča, inčir. Одна только аналогия с anagi /алт. anagi / и anča заставляла бы допустить возможность произношения с гласными заднего ряда.

Слово nagi, которое мы только что привели и которое встречается в этой форме в уйгурских памятниках и в QB [Qutadyu bilig], а также в форме nägi в диалектах ки-

1. W. Pröhle. Balkarische Studien, KSz XV, 225; Bang. KOsm I, 36, n. 2.

2. Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. I, 940

3. S. Szapczak. Próby literatury ludowej Turków z Azerbajdżanu

perskiego. PKO 118 (Kraków, 1935), 85; Радлов. /Словарь I, 1450/ возводит indi к ämdi, а indin к ö-dün-din kin; эти этимологии не кажутся нам правильными.

4. См. наше примечание к словам indälik и čindälik на стр. 77. —

Прим. перев.

5. Bang. KOsm I, 36, n. 2; ср. Deny. Gramm., 616, n. 1.

6. Bang. Gabain. Analytischer Index, 20 (478).

тайского Туркестана и у каракиргизов в значении "там, дальше, исключая", — в полном смысле слова интригует тюркологов. Банг даже посвятил ему специальную главу в своей работе о местоимениях,¹ где он выразил мнение, что η здесь составляет элемент протетический: $\eta + a\eta$. Не возражая против этой этимологии, Мункачи заявляет, однако /учитывая существование слова $\eta na\eta$ с тем же значением/, что можно с таким же успехом рассматривать $na\eta$ и как сокращение $\eta na\eta$.² Ж. Дени присоединился к этому мнению.³ Лично я также его разделяю, ввиду того, что те же слова, $\eta na\eta$ и $\eta a\eta$, существуют также в монгольском языке, где происхождение путем сокращения можно объяснить очень легко.

По сравнению с монгольским языком, корни $i//a$ на тюркской почве имеют некоторые особенности.

Прежде всего, различие между единственным и множественным числом здесь стерлось и формы с a стали преобладать настолько, что формы с i оказались почти исключенными. Затем, как одни так и другие имеют указательное /не личное/ значение и обозначают предметы наиболее отдаленные.

Это последнее различие заслуживает совершенно особого внимания, ввиду того что в монгольских и тунгусских языках корень $i \sim e$ всегда обозначает наиболее приближенные предметы. Это значение, впрочем, не должно было быть всегда чуждым тюркским языкам, так как в якутском языке мы находим слово $an\eta$ со значением "в настоящее время, теперь, в скором времени, отныне, впредь".⁴ Но это значение не удержалось: якутское $anna\eta$ обозначает уже "та сторона, тот, тамашний" и вообще в общетюркской области i и a связываются с предметами наиболее отдаленными.

Различие между монгольскими и тюркскими языками резко проявляется в слове $\eta na\eta$, которое находится неизвестно почему и в тех и в других; но в первых оно означает "сюда, ближе", а во вторых — "туда, дальше".

В монгольском и маньчжурском языках указательный корень ηi противопоставляется ηa . Отражение этого мы находим, как это уже отметил Рамстедт⁵ в тюркском языке — вам мире. А именно, в карагасском языке рядом с обычными указательными местоимениями / bi и ot /имеется ηa , а

1. Bang. KÖsm I, 35-37.

2. KSz XVIII, 140.

3. Deny. Gramm. 616.

4. С. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900. 78, 8 129; Пекарский. Словарь I, 113.

5. Ramstedt. Pronomina, 11.

у урянхайцев - *tö* или *tö* "вон тот", в целом ряде северных языков /Катанов насчитывает их 14 от Внисея до Волги/¹ мы находим с тем же значением местоимение *tigi* "тот". Здесь *ti*, очевидно, составляет элемент, соответствующий мо. **ti*, а - *gi* - суффикс, о котором мы поговорим несколько позже.

Таким образом, мы видим, что различные варианты корня **ti-te* встречаются только в современных языках; что же касается слов с **i*, то их можно установить почти исключительно только в древних памятниках. И стало быть ничто нам не указывает на то, чтобы эти два местоимения были противопоставлены также на тюркской почве. И все же надо заметить, что в китайском Туркестане² обнаружили слова *indälik* /у Радлова *indillik* / "день после после -

1. Катанов. Опыт, 338

2. A. von Le Coq. Sprichwörter und Lieder aus der Gegend von Turfan. „Baessler Archiv“ I, Beiheft 1, (Leipzig-Berlin, 1911) 84, 90;

84, 90; Радлов. Словарь I, 1450 - Для большей полноты сообщаем, что С. Е. Малов записал оба слова еще во время своих путешествий в Центральный и Западный Китай в 1909-1911 и 1913-1915 гг.: В Турфане в форме *инделikka* "на третий день" и *чинделikka* "на четвертый день" /С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синцзяна. Москва 1961, с. 113 и 172/ и в Хами в форме *инделыкка* "после послезавтра", "на четвертый день" и *чинделыкка* "на пятый день" /С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.-Л. 1954, с. 152 и 195. Оба слова зафиксировал и проф. Э. Н. Наджип в своем большом "Уйгурско-русском словаре" /Москва 1968, с. 182 и 415/ в форме *индинликка* "послезавтра" и "чин-диликка" "на четвертый день" /последнее с пометой "диалектное" / "Уйгурско-русский словарь" под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо /Алма-Ата 1961, с. 84/ отразил только *индинликка* "через два дня". Согласно устным разъяснениям Э. Н. Наджипа, колебания в значении "послезавтра" и "после послезавтра" / *resp.* "через два дня на третий" и "через три дня на четвертый" / у *indälik* и "на четвертый день" и "на пятый день" у *čindälik* зависят от диалектной принадлежности носителей уйгурского языка, если, разумеется, при этом полностью исключить возможность неточного словоупотребления в результате нечеткой противопоставленности основ *indälik* - *čindälik* /индинлик - чиндилик / в сознании говорящего. -Прим. перев.

завтра" и *indälik* /у Радлова отсутствует/ "еще одним днем дальше" неясного происхождения, которые таким образом уравниваются. Радлов рассматривает первое как настоящее из *indin+lik* и возводит *indin ögün-din kīn* со своей стороны Банг¹ хочет видеть здесь элемент *iki* "два, а во втором слове - *üç* "три", но это этимология очень хрупкая, и правдоподобным являлось бы предположение, что в первом случае мы имеем основу *i-n-*, а во втором *či-n- < "ti-n-*, которые служат, чтобы обозначать предметы менее и более отдаленные /между двумя отдаленными/. Во всяком случае, первое слово имеет общее происхождение с *indi* "теперь", которым мы уже занимались, и тар. *indin* "после-послезавтра".

Значительное число примеров свидетельствует о том, что *a* и зависящее от него *na* противопоставляются *bä*, а это последнее служит для обозначения близких предметов, тогда как *a* и *na* обозначают предметы отдаленные.

Корень *bä* был обнаружен только на тюркской почве. У монголов никакого созвучного местоимения нет; тунгусо-маньчжурским языкам известно *ba*, но с совершенно противоположным значением, и в применении к отдаленным предметам. Происхождение *bä* интересует ученых уже давно, начиная с Бётлингга².

Банг высказал мнение, что это тот же корень, что и в местоимении 1-го лица единственного числа *bän*³, и эта точка зрения принята Мункачи, Наметом, Дени и Зайончковским,⁴ Она особенно понравилась Мункачи, но он опирается на ошибочную аналогию с монгольским языком: в словах *inadu* и *činadu*, которые он приводит, имеет место противопоставление не между 2-м и 3-м лицом, а между двумя указательными местоимениями.

В настоящее время из монгольского языка можно привести другую аналогию. А именно, Рамстедт недавно выдвинул новую гипотезу о происхождении основы *na* -, которую име-

1. Bang. Aus dem Leben der Türksprachen. „Ostasiatische Zeitschrift“ VIII (Festschrift für Fr. Hirth) (Berlin, 1919-1920), 24 n. 4.
2. Böttlingk. Über die Sprache der Jakuten, I, 261.
3. Bang. KOsm I, 11, §7.
4. KSz XVIII, 136; „Türän“ I, 490; Gramm., 616; PKO №15, 48.

ет в косвенных падежах монгольское местоимение 1-го лица; он сопоставляет ее с корейским местоимением 1-го лица na-¹. Эту монгольско-корейскую основу na он видит также в монгольской основе na /монг. naγana /, также в производных от нее словах, что давало бы полную аналогию с тюркским bā, как предполагал Банг.

Тем не менее эта монгольско-корейская аналогия, в свете наблюдений, которые мы только что изложили, не кажется убедительной. С другой стороны, возможно, что тюркологи удовлетворяются этой этимологией только за неимением другой, более подходящей. Оставаясь на тюркской почве, мы должны принять во внимание, что это bā чередуется с bi, ba и bu, ибо в якутском языке мы имеем biligi "тот, этот вот, теперешний", в рунических и уйгурских текстах - bir "эта сторона, юг"², в некоторых языках - ba~pa "этот, недавно"³. Кроме того, значение корня bā~bi~ba сближает его с местоимением bu, которое, часто уподобляясь следующим за ним словам, меняет u на ü, i, ö: например, осм. , якут. bügün "сегодня", каз.-кирг., каз.-тат.; якут. bijik "этот год"; tina//mina и т. д. Не связаны ли все эти элементы между собой?⁴

Может быть, именно в связи с этими самыми корнями нужно рассматривать также этимологию вообще широко распространенных тюркских послелогов: ilä~ilän и bilä~birlä. Суффикс -lä~-län должен быть показателем совместного или инструментального падежа, о котором речь шла выше, на стр. 30⁵, а i- и bi~bir- корни, тождественные с только что рассмотренными нами указательными местоимениями. В этом случае первый послелог мог первоначально означать "с тем", а второй "с этим" со временем приняв на себя роль частиц с различными значениями. Местоименный

1. Ramstedt. Die Palatalisation in den altaischen Sprachen.

„Annales Academiae Scientiarum Fennicae," ser. B, XXVII (1932), 241.

2. Thomsen. Inscriptions, 147, n. 22; Bang. Aus türkische Dialekten, KSz XVIII, 21-22.

3. Bang. KOsm I, 29, n. 3.

4. Ср. Böhlingk. Op. cit., 267.

5. Краковский ученый Т. К о в а л ь с к и й разделяет в настоящее время это мнение, как он мне любезно сообщил об этом. Ср. также Bang. Studien (SBAW, 1916, XXXVII), 921-922.

корень *bir-* мог в народной этимологии быть отождествлен с числительным *bir* "один".

С другой стороны, существует загадочное противопоставление, которое **выявляется** трижды и которое необходимо осветить мо. *bi:ba//ēi:ta*, якут. *min:bisigi//än:äsigi(isigi)* и общетюркские суффиксы *-m:-miz//-ŋ:-ŋiz*. Правда, Бетлингк производил якутское *än* от тюркского *sän*, но ему удалось выявить исчезновение *s* только в якутском языке, а исчезновение *s* в общетюркском осталось необъясненным. Поэтому пытались задать вопрос, не имеет ли здесь место противопоставление подобное приведенному Бетлингком: *bi-jit* "этот год" и *ä-sil* "будущий год"¹. В этом случае в приведенных выше местоимениях и суффиксах мы имели бы элементы, аналогичные монгольским указательным местоимениям *e-(i-)* и *ti-*.

Как бы то ни было, кажется вполне вероятным, что система личных местоимений в алтайских языках идентична в структуре системе указательных местоимений и что, кроме того, они построены если не из тождественных, то во всяком случае из чрезвычайно близких звуковых элементов. И если мы примем это толкование, мы, быть может, более легко достигнем понимания происхождения тюркской системы указательных местоимений *bu, şu* и *ot(ut)*, которая совершенно отличается от аналогичных систем других алтайских языков, но обнаруживает некоторое сходство с системой маньчжурских личных местоимений: *tu-se* ("bu-se), *su-we* и тунгусскими *bü, şü*, особенно если их пополнить маньчжурским элементом *и -*. Кажется, что здесь произошло переплетение конструктивных систем и фонетических элементов, которые было бы важно распутать.

Приводимые ниже примеры дают некоторое представление относительно того, каким образом тюрки противопоставляют указательные элементы один другому:

I. *ana anda anday anca anžitajin*
muna munda munday munca bunžitajin

II. *äri ar /караим. / arax*
bäri bär bérak'

/якут./ *anarā ä-sil innik*
bätärā bi-jit männik

Щ. /Турф. / *naru /Кит. Турк. /nērāq /Кирг. /nari*
bärü bērāq beri

1. Böttlingk. Op.cit., 266-267.

Первая группа примеров покоится на современной системе указательных местоимений; она широко представлена в литературе и в живых языках. Что касается остальных, то они покоятся на древних остатках и появляются только спорадически, за единственным исключением пары *aŋi b̄äri*, известной во всех языках.

Нам случалось не раз приводить выше слова из якутского языка; но система якутских личных местоимений заслуживала бы, пожалуй, отдельного изучения. Эта довольно просторная система имеет ряд особенностей по сравнению с другими тюркскими системами. Из общетюркского ряда *bu, şu* и *ol* местоимение *şu* здесь заменено местоимением *iti*; затем мы находим здесь все фрагментарные местоимения, употребляемые в различных тюркских языках, как, например, *in-, ä-, an-, b̄ä-,* А рядом с этими местоимениями появляются еще их усиленные формы, созданные посредством префикса *su~s*. Таким образом, мы имеем следующую систему:

<i>bu</i>	<i>iti</i>	<i>ol</i>	<i>in-</i>	<i>an-</i>	<i>b̄ä-</i>
<i>subu</i>	<i>siti</i>	<i>sol</i>	<i>sin</i>		

Косвенные падежи от *bu* и *ol* образуются довольно неожиданно способом — с основанием *tan-* и *on-*.

Уже Бётлингк¹ установил в основе *in-* след исчезнувшего указательного местоимения **in-/i/и* Пекарский в своем большом якутском словаре² применил к тому же мнению. И это вполне согласуется с изложенными выше выводами. Известно только небольшое число слов, производных от этой основы: *innik* "такой", *injä* "там, туда", *innä* "там".

Рядом с этой основой, как нам думается, надо поставить ее вариант *ä-*, известный в слове *äsil* "будущий год", и, может быть, также *öjün* "послезавтра".

Основа *an-*, согласно нашему суждению, должна тесно смыкаться с элементами *i(in-)~ä*. Заметим, однако, что в настоящее время она не является в якутском языке базой для образования косвенных падежей местоимения *ol*, как это обстоит в большинстве тюркских языков, но имеется в нескольких отдельных словах: *anı* "тень, отныне, впрдь";

1. Böttlingk. Über die Sprache der Jakuten I, 267;

II (Jakutisch-Deutsches Wörterbuch), 36.

2. Пекарский. Словарь 1, 98.

annara "та сторона, другой"; antax "такой".

Интереснее всего происхождение iti . Бетлингк уже установил его отсутствие в других языках; что касается Радлова, то он был того мнения, что вообще это слово „der türkischen Sprache fremd“/”чуждо тюркскому языку”/. Но если учесть, что в тюркских языках указательные местоимения образуются часто путем соединения двух местоимений, как это мы увидим сейчас, то можно задать себе вопрос: не имеем ли мы в данном случае дело именно с таким примером, т. е. не состоит ли iti из двух указательных местоимений монгольского происхождения: i и ti ? Ср. солонское erēter "этот самый" или халхаское ent'ar ².

В этом случае мы имели бы в якутском языке не противопоставление i и ti , а соединение их в одном слове.

Таким же образом, думается, нужно объяснить появление усиленных местоимений, образованных с помощью префикса su~s . Радлов уже выделял в этом префиксе элемент oš~šu , который появляется в Кутадгу билиг /QB/ и во многих живых языках ³, следовательно, мы имели бы здесь также соединение общетюркского местоимения ŷu с различными якутскими указательными местоимениями с той еще, однако, особенностью, что ŷu выступает здесь в роли самостоятельного слова, а префикса, и соединяется не только с местоимением bi , но также и с другими указательными местоимениями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

А. СУФФИКСЫ МЕСТОИМЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Одним из характерных отличий алтайских языков является наличие суффиксов местоименного происхождения. Уже Кастрен посвятил им, как мы это знаем, важный труд, и все последующие грамматические трактаты подчеркивают их роль в различных языках. Наибольшее внимание в "Les langues du monde "

1. Radloff. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, 35.
2. Ramstedt. Pronomina, 10.
3. Radloff. Op. cit., 35. Ср. Deny. Gramm., 719-720 (§ 1041), 220 (§ 330), 253 (§ 396); Bang. KOsm I, 25 (§ 28); K. Grönbech. Sprachbau I, 32, 50.

быть может уделил им недавно Ж. Дени. И тем не менее этот вопрос все еще недостаточно изучен, что заставляет нас высказать здесь несколько общих замечаний.

Рассматриваемые суффиксы образуют две основные группы: одни присоединяются к именам существительным и заменяют собой притяжательные местоимения других языков. Это — личные притяжательные суффиксы.

Другие присоединяются к глагольным формам и служат для обозначения грамматических лиц; поэтому их можно назвать личными глагольными суффиксами.

Как те, так и другие происходят от личных местоимений; они имеют, стало быть, очень сходную форму, с такими небольшими различиями, что их иногда трудно подметить. Большей частью суффиксы первой группы можно возвести к родительному, а суффиксы второй группы — к именительному падежам местоимений¹, но иногда кажется, что этот этимологический подход слишком упрощен и что нужно учесть еще и другие обстоятельства.

Эти две группы суффиксов существуют во всех тюркских языках, как в письменных, так и в живых. Весь тунгусский мир, за единственным исключением маньчжурского языка, также знает их. Напротив, у монголов мы находим местоименные суффиксы только в пограничных языках, смежных с тунгусскими и тюркскими, как, например, бурятский и ойратский /кальмыцкий/. Дагурский язык использует — как для имен, так и для глаголов — местоимения, которые присоединяются к концу слова в качестве энклитики и иногда принимают редуцированную форму, не подчиняясь закону гармонии гласных. Мы имеем там переходное состояние, когда местоимения из самостоятельных слов переходят в местоименные суффиксы. В один ряд с дагурским можно поставить язык афганских моголов, с той лишь разницей, что в последнем превращение местоименных энклитик в суффиксах продвинулось дальше. Монгольский письменный язык и остальные живые языки, среди них халха, восточные и южные языки вообще не имеют местоименных суффиксов.

Из этого можно заключить, что местоименные суффиксы развились сперва у тюрков и тунгусов и, что у монголов они находятся в стадии формирования, продвигаясь от периферии с северо-запада в направлении к юго-востоку. Что касается

1. Ramstedt. *Mogholica*, 59-60.

маньчжурского языка, то возможно, что языки, из которых он развился, имели, по примеру других тунгусских языков, местоименные суффиксы. Но когда маньчжурский язык вошел в соприкосновение с соседней группой монгольских языков, в которых не было местоименных суффиксов, он их тоже потерял.

Притяжательные суффиксы присоединяются к именам вместе с падежными окончаниями, но различным способом. В тюркских эти окончания следуют за ними, а в монгольском и тунгусском — предшествуют им. Показатель множественности всегда ставится перед притяжательными суффиксами.

Мы не будем заниматься суффиксами особо; выше подвергнут анализу один тюркский суффикс 3-го лица.

Наряду с личными притяжательными суффиксами мы встречаем в алтайской области возвратно-притяжательный /безличный/ суффикс, который обозначает принадлежность субъекту и в польском /как и вообще славянских/ языке соответствует местоимению *swój*. Он существует во всех монгольских и тунгусских языках, но его нет в маньчжурском и тюркских языках.

Б. СУФФИКСЫ В МЕСТОИМЕННЫХ ОСНОВАХ

Существующие во всех алтайских языках местоименные корни служат для образования довольно большого числа слов именного /существительные и прилагательные/ и адverbиального, а иногда и глагольного характера. Среди суффиксов, которые можно выделить в этих словах, имеется ряд ныне непродуктивных и даже вовсе не встречающихся в другом месте. В то же самое время отмечают, что параллельно с корнями те же суффиксы выступают в той же самой или слегка измененной форме в различных группах языков. Не ставя перед собой задачи точного изучения этой области, я хочу посвятить здесь нескольким суффиксам ряд соображений, которые появились у меня в процессе моей работы.

Моей исходной точкой было желание осветить происхождение монгольских указательных местоимений *ene* и *tere*, в которых я уже давно считал возможным выделить суффиксы *-na* и *-ga*, известные в других местах. С них я и начну.

1. *-na* и *-ga*

Когда в статье, опубликованной в *ROV*, я рассматривал термины ориентации, употребляемые в Центральной Азии,

я высказал мысль, что суффикс -на монгольского происхождения в противоположность суффиксу -га, которому я приписал тюркское происхождение. Но теперь я должен признать, что эта мысль не может быть подтверждена полностью; оба этих суффикса должны выводиться из тюркских языков, так как только в тюркской области можно отдать себе отчет в их происхождении.

У тюрков эти два суффикса выступают, так сказать, параллельно, в одних и тех же группах слов и имеют почти одно и то же значение.

Первая, и для нас наиболее важная, группа слов образована путем присоединения -на и -га к вопросительным и указательным местоимениям. Таких слов два ряда:

qana, (hana), muna, ana ~ ona, sona (<šuna)
nere, (hara), bura, oqa, šura

Эти два ряда слов появляются в различных памятниках и группах языков; поэтому тюркологи по привычке также трактуют их порознь и, несмотря на то, что внимательно занимались ими, не пришли к общему мнению относительно их происхождения и роли.

В отношении распространения и значения слов первого ряда Радлов, в своем Словаре, и другие авторы дают следующую информацию:

1. qana - "wohin?" "wo?" (тел.), где? (алт.-тел.) "wie, in der That, wohl, was betrifft" (каз.-тат.), "was?" hana "versou?"
"куда?" (кашкайск.)²

2. muna - "siehe" / кв, уйг. Турфан, караим. -Т., кумык., тел. / "siehe da" / караим. -Т. /⁴ вот, вот здесь, вот этот / алт. -тел. /⁵ dieser " / каз. -кирг. /⁶ Кроме того, Рад-

лов, а за ним и Банг отмечают еще два варианта из других языков: mīna "siehe da" / коман., каз. -тат., казак-кирг., тел. /
"dieses hier" / казак-кирг. "склоняемое" /
"ist es so?" / тел. / "hier" / казак-кирг. /⁷ mīna вост.-тюрк.

1. Грамматика алтайского языка, 99, 189.

2. А. Ромаскевич. Песни кашкайцев, "Сборник Музея антропологии и этнографии", У, вып. 2, Л, 1926, 558.

3. Bang-Gabain. Analytischer Index, 28 (486); K. Grönbeck, Sprachbau, 50; F.W.K. Müller, Uigurica III, ABAW 1920, N 2 (Berlin, 1922)

4. T. Kowalski. Texty karaimskie, PKO N 11 (Krakow, 1929), 236.

5. Грамматика алтайского языка, 99, 221.

6. Bang. KOsm I, 5.

7. Bang. KOsm I, 30. с цитатами из кн.: Радлов. Образцы III, 306, 329. Очередовании u/i ср. Bang. Op. cit., 30 н. Ср. также С. Brockelmann, В ZDMG LXX (1916), 202 (n. 2) - 203. Вост.-тюрк. mīna взято из авторского рабочего экземпляра. - Прим. перев.

А. Н. Самойлович отмечает существование в крымско-татарском языке форм *tına* и *mına* "вот здесь"¹. П. М. Мелиоранский дает казак-кирг. *mına* "этот, вот этот"².

3/ *ana* - "jener", *dort*, *siehe dort* /казак-кирг., каз-тат. /, "jener" /казак-кирг. /³, усиливает указательные местоимения /крым.-тат., тур.-Конья/⁴, "вон там!" /крым.-тат. /⁵ "вон там! вон тот!" /казак-кирг. /⁶;

4/ *ona* /*una*? / "sieh" /уйг. Турфан/⁷;

5/ *sona* - "вон, вон тот" /казак-кирг. /⁸;

šona - "вон там" /кумьк. /⁹;

6/ *γona* - "вон там /отдаленно/"¹⁰

Без сомнения, этот обзор нельзя считать полным: существующие источники обнаруживают многочисленные пробелы, да и сами эти источники мне не удалось исследовать с желательной точностью.

Тем не менее было бы все же интересно констатировать, что рассматриваемые слова были обнаружены в относительно ограниченной группе языков, по большей части живых, как северных, так и западных. Это относится к древним языкам: команскому, уйгурскому и языку Кутадгу билиг /*qV*/; последний представляет наиболее древний текст, где установлено существование одного из наших слов, а именно *tına*.¹¹

1. А. Н. Самойлович. Опыт краткой крымско-татарской грамматики /Пг., 1916 /, 90.

2. П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка 1/СПб, 1894/, 42; П/СПб, 1897/, 92

3. *Bang. KO sm I*, 5.

4. Этим интересным указанием я обязан Т. Ковальскому, который в отношении крымско-татарского языка, отсылает к радловским "Образцам" УП, 1414, 197, 2520, 299, 3011, 3213, а в отношении диалекта турецкого языка - к своим собственным заметкам.

По словам А. Зайончковского, то же значение часто наблюдается в *tına* у караимов *tına* *ı* "этот самый", *tına* *ı* *ı* и т. д.

5. А. Н. Самойлович. Указ. соч., 90.

6. Грамматика алтайского языка, 99.

7. *Bang-Gabain. Türkische Turfan-Texte V, SBAW 1931, XIV, 32 (352-)* idem. *Analytischer Index*, 30(488); idem. *Uigurische Studien, UJb X, Heft 3 (1930)*, 209.

8-10. П. М. Мелиоранский. Указ. соч. 1, 42. Формы *šona* и *γona* взяты из авторского рабочего экземпляра. Значение дается по книге: Н. К. Дмитриев. "Грамматика кумькского языка". М. - Л., 1840, стр. 80. - Прим. перев.

11. В. В. Радлов. Словарь IV, 2184.

Что касается значения, то тут перед нами, несомненно согласованный ансамбль, с одной стороны это — вопрос : *qana* , а с другой — ответы с указанием места или же предметов, более или менее отдаленных. Вопрос выражается словами "куда? где? что?" /возможно также "кто?" и "кого — рый?" / или "как?". А в ответ говорят : "сюда", "здесь", "туда", "там", ; "этот", "тот", "тот самый". Вследствие этого многие ученые, как например, Радлов, Мелиоранский, Самойлович, Банг, — уже сопоставляли те или иные из этих слов с указательными местоимениями *bu* , *ol* , *sol* /казак. — кирг. вариант местоимения *su* /. Нужно сюда прибавить , что *ana* и *ona* находятся между собой, несомненно, в тех же отношениях, что *anıŋ* и *оnıŋ* , т. е. что *ana* представляет собой остаток от древнего местоимения 3-го лица, а *ona* — более поздний вариант, происходящий от *o* / *ol* /. Во всяком случае произношение *ona* кажется более правильной формой, чем *ina* , которой пользуются чаще всего Банг и Габен . Верно, что форму *ona* находили в уйгурских текстах из Турфана , где вообще встречаются только древние формы с основой *an-* и где, как кажется, не существует основы *on-* . Однако невозможно предположить, чтобы в эпоху, когда писались эти тексты, не существовало основы *on-* , так как Махмуд Кашгарский отметил форму *оnı* "тот"¹; кроме того, основа *on-* встречается также в чагатайском языке.

Радлов , Мелиоранский и Самойлович устанавливают, что названные слова могут употребляться в качестве имен /существительных/ и склоняться ; например, они могут употребляться в качестве основы винительного или сравнительного /экватив/ падежей и даже принимать притяжательные суффиксы² или же служить основами для создания производных слов.³ Следовательно, необходимо прибавить сюда еще субстантивное значение "это место, это обстоятельство".

1. С. Brockelmann. *Mitteltürkischer Wortschatz* (Budapest-Leipzig) 1928, 127.
2. П. М. Мелиоранский. Указ. соч. 1, 42.
3. В. В. Радлов. Словарь, IV, 2184-2185; G. R. Rachmatullin. *Die Hilfsverben und Verbaladverbien im Altaischen II*, UJb VIII (1928), 336-338 (§§ 52, 55).

Наконец, *ана* в крымско-татарском языке и в диалекте Коньи и *тина* в караимских диалектах имеют, по словам Т. Ковальского и А. Зайончковского, значение усилительных частиц для указательных местоимений. Исходя из этого, мы имеем право предложить, что всюду, где названные слова находятся в соединении *си* или *о:анаи* /в крымско-татарском *анацаг* /, *анао тинаи* , *тинаи* , например, в крымско-татарском и казак-киргизском языках и в диалекте Коньи, — первая часть /*ана* /, *тина* / имеет значение усилительной частицы¹, тогда как последний гласный представляет скорее сокращение указательного местоимения *о!* , нежели суффикс-*гi* , как предполагал Радлов². Усилительное значение развилось, вероятно, только позднее, в последнюю очередь.

Проблема происхождения суффикса-*на* заинтересовала А. Самойловича в 1916 году, когда он изучал крымско-татарский язык³. Он утверждал, что формы *тина* и *ана* , которые он там встретил, являются сложными словами, возникшими в результате слияния указательных местоимений *би* и *о!* с междометием *а!* Затем в 1917 и 1931 гг. Банг⁴ посвятил всем этим словам ряд наблюдений, но, все время отыскивая здесь тоже следы междометия, он считал для себя невозможным наверняка решить вопрос на тюркской почве и высказал мнение, что конечный гласный *а* в слове *ана* , может быть, нужно было бы считать заимствованным из иранских языков.

Оба эти ученые, без сомнения, имели основания предположить, что *тина* и *ана* иногда могут иметь восклицательное значение, но это нельзя считать правильным для всех случаев их употребления и для всех слов этого рода. Последнее ограничение особенно относится к случаю с вопросительным словом *ана* , в котором восклицательный элемент был бы излишним. Во всех словах этого ряда, не исключая и *ана* ,⁵ неизменно содержится местоименное *н* , которое появляется при склонении, но не с присоединением самостоятельного элемента. Именно на этом пути мы должны искать прежде всего решения данного вопроса , что приводит нас к признанию в словах с окончанием *и* 10 приведенные выше цитаты. Форма *анацаг* встречается у Радлова. Образцы УП, 207. Форму *анао* довелось однажды услышать в Конье Т. Ковальскому.

² Р а д л о в. Словарь 1, 228, ср. однако 1У, 2184

³ А. Н. С а м о й л о в и ч. Стыг краткой крымско-татарской грамматики, 90.

⁴ Bang. KOsm I, 5-6, 28-31; Bang-Gabain. Türkische Turfan-Texte V, 32(352), 33(353).

⁵ Bang. KOsm I, 31 (§31).

на -на формы дательного падежа . Это решение , при всей своей простоте, каким оно кажется, может, однако, вызвать возражения .

Это , прежде всего многозначность, которая наводит на размышления: "где? куда? здесь, вот этот". и т. д. Однако тюркские языки знают много примеров, когда дательный падеж занимает место местного падежа и используется как наречие ; в монгольском языке это очень распространено. С другой стороны , мы знаем, что как в тех, так и в других языках наречия часто употребляются в роли существительных и , особенно, в роли прилагательных. Банг¹ уже приводил примеры этого употребления ; легко прибавить к ним еще другие:

тюрк. *özgä* /дательный падеж от *öz* "сам, один"/
и *başqa* /дательный падеж от *baş* "голова"/ "отдельно, самостоятельно, другой" ; *möbere* /дательный падеж от *öber* "сам, один"/ "отдельно, самостоятельно"; мо. *degere* "на, над, лучший, превосходный".

Есть еще другое обстоятельство, которое внушает серьезные сомнения ; дело в том, что наряду с вероятными формами дательного падежа *типа* , *ана* , *она* , *сона*

в тех же языках существуют другие, образованные более или менее нормально, но во всех случаях звучащие иначе : *аңда* /=*аңа* /, *тиңар* /Турфан/, *биңар* , *аңар* /каз-тат/, *винар* , *анар* /караим. Т и Л./, *буған* , *оған* /казак-кирг./ . Повсюду мы наблюдаем здесь следы аффикса обычного дательного падежа - *қа* ~ -*ға* ; что касается самого этого аффикса, то мы встречаем его без всякого изменения у существительных, не исключая даже тех, основа которых оканчивается на -*п* /например, в караимских диалектах, казак-кирг. и алт.-тел./.

Но здесь мы сталкиваемся с явлением, происхождение которого теряется во тьме веков. В самых древних тюркских письменных памятниках, а именно в рунических надписях, одновременно с обычным окончанием - *қа* встречается дательный падеж с сокращенным окончанием - *а* . То же явление установлено у Махмуда Кашгарского, у Рабгузия и в различных современных языках. Причем каждый из этих памятников и этих языков как будто пытается провести различие, разграничить эти окончания : они употребляются в случаях, довольно резко отличных по смыслу. В отношении указательных местоимений эта

1. Bang. Op. cit., 51-52.

дифференциация могла быть проведена еще дальше : наряду с обычными формами склонения могли образоваться , например, в дательном падеже специальные варианты с адвербиальным значением. Весь этот вопрос заслуживает , конечно, особого изучения.

Второй ряд слов с окончанием на - га бытует в турецком языке и, частично, в родственных ему крымско-татарском и азербайджанском языках. Это *buğa* "это место" ; *buğa* , *ora* "то место" , *nerə* "которое место?".

Ныне эти слова имеют значение существительных и используются, по большей части, в адвербиальных падежах /местный, дательный и исходный / со значением наречий. Однако Ж. Дени заметил, что "в староосманском языке иногда говорили просто *buğa* "в смысле "здесь".¹ Возможно, стало быть, что первоначальное значение этих слов было именно адвербиальным и что лишь со временем обрели субстантивный характер.

Эти слова образованы на базе указательных местоимений *bu* , *ol* , *şu* , /*şot* / и вопросительного местоимения *ne* . Тут, стало быть почти полная аналогия с группой слов с окончанием на - на , о которых говорилось выше. Только в качестве вопросительного местоимения употребляются уже не **qa* , а *ne* / *nä* / , которое бытует, может быть , в связи с наличием в языке других аналогичных слов - *qara* . Азербайджанцы² и кашкайцы , которые тем не менее приняли **qa* , несколько изменили его звучание : у них мы находим *hara* "куда?" Кроме того, мы отмечаем отсутствие местоименного *n* .

Происхождение суффикса - га тоже интересовало многих ученых, которые группировались вокруг двух гипотез. Бет-лингк уже пытался вывести - га из *jer* "земля, место"³ за ним последовал А. Вамбери⁴ и до некоторой степени

1. J. Deny. *Gramm.*, 244-245.

2. S. Szapszal. *Próby literatury ludowej Turków z Azerbajdżanu perskiego*, 84. Ромаскевич. Песни кашкайцев, 604.

3. Böhtlingk. *Über die Sprache der Jakuten I*, (115) §48.

4. H. Vambéry. *Alt-Osmanische Sprachstudien* (Leiden, 1901), 13.

/ nere < nejer / Г. Егличка,¹ но К. Фой² решительно отклонил эту гипотезу. С другой стороны, В. Радлов высказал предположение, что в -га нужно видеть сокращение существительного ага, — "промежуток"³ — идея, которую приняли Егличка⁴ и Дени⁵, но которая имела также и противников. Сначала с осторожностью, потом в решительных выражениях А. Самойлович⁶ объявил себя противником этимологии Радлова, и В. Банг⁷ разделил его мнение.

Возражения, выдвинутые Фоем, Самойловичем и Бангом, кажутся мне хорошо обоснованными и, соглашаясь с ними, я рассматриваю -га как особый суффикс — будь он адвербиальный или падежный.

Эти рассуждения, основанные на словах местоименного происхождения, приобретают еще большую вероятность при проверке другой группы слов, где также выступают суффиксы -на и -га. Это — слова субстантивного происхождения, образованные с помощью основ, которые редко встречаются как самостоятельные слова и которые определяют положение предмета в отношении к другому, будь то во времени или в пространстве: "верх" или "низ", "перед" или "зад", "внутренняя часть" или "наружная часть", "будущее" или "прошедшее" и т. д.

Легко заметить, что между этими двумя группами слов существует известная смысловая взаимосвязь; это и привело к появлению в обеих группах тождественных суффиксов.

Следует отметить, что оба суффикса могут присоединяться, часто без видимых различий, к одним и тем же основам, и в одном случае основа принимает суффикс -га, а в аналогичном другом -на.

Слова, образованные таким образом, употребляются иногда как самостоятельные наречия времени или места, но чаще —

1. H. Jehlitschka. Türkische Konversations-Grammatik. (Heidelberg, 1895), 51, 90.

2. K. Foy. Azerbaijanische Studien, MSOS (Westas. St.) VI (Berlin, 1903) 188, n. 2. Cp. Brockelmann. В ZDMG LXX, 202, n. 1.

3. Radloff. Die alttürk. Inschr. NF, 85.

4. H. Jehlitschka. Op. cit., 51, 90.

5. Denu. Gramm. §§ 383, 896.

6. А. Н. Самойлович. Опыт краткой крымско-татарской грамматики, 88.

Его же. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. /Л., 1927/, 91.

7. Bang. KOsm I, (10) § 6.

в виде послелога /после существительных/ заменяя наши предлоги.

Суффикс -га встречается уже в рунических текстах, но мы знаем только 8 слов с этим суффиксом. Они обнаружены по большей части в древних литературных памятниках, а так же в чагатайском и старописьменном языках ; что касается живых языков, то в них они встречаются крайне редко и притом чаще всего какое-нибудь из этих слов, остаток далекого прошлого.

Наоборот, суффикс -на, обычно в форме -ina, встречается в живых языках часто и производит впечатление продуктивной морфемы. Этим суффиксом снабжено довольно большое количество слов. По всей вероятности, он заменил собой на тюркской почве суффикс -га, может быть, более древний. Для иллюстрации данного положения, ниже мы приводим список слов с суффиксом -га, а также несколько слов определенной значимости с суффиксом -на :

içrä	içinä	"внутри"
taşra	tişina (балкар.)	"снаружи"
öñrä	öñünä (осм.)	"впереди"
kisrä (käsrä)	kästinä	"позади"
üzärä ~ üzra	üstünä	"наверху"

üsüne /балкар./
istine ~ isne /караим./

Л./

asra	astina	"внизу"
{зоңра (чаг., осм.)	sonuna (осм.)	"после, позади"
{sōra (азерб., казак-кирг.)	sōna (коиб.)	

töbärä (шор.) tábüne /балкар./ "внизу"
tibine /караим./

Л./

altina ~ alnina	"впереди, перед"
artina	"позади"
janina	"сбоку"

и т. д.

Свое мнение о происхождении слов, оканчивающихся на -ina выразили различные ученые : Радлов в своем Словаре, В. Перле в своих работах по балкарскому и карачаевскому языкам, Ж. Дени в своей турецкой грамматике и, наконец, Т. Ковальский¹ и А. Зайончковский² в своих работах по кара-

1. T. Kowalski. *Texty karaimskie*, LXX, 155 (при слове atyn)

2. A. Zajonczkowski. *Krotki wyklad grammatyki jezuka zachodnio-karaimskiego (narzecze lucko-halickie)*, Luck, 1931.

имскому языку. Все они видят в -ina и его вариантах притяжательный суффикс 3-го лица i-n и сокращенное окончание дательного падежа -a, обычно употребляемое в этом падеже почти во всех языках после притяжательного суффикса.

Но некоторое время тому назад Т. Ковальский высказал новое мнение в своей статье о турецких диалектах: ¹ в этих последних окончание -ina употребляется в значении местного падежа, поэтому автор предполагает, что оно иногда образуется из -inda > -inna > -ina. До него К. Шрифль уже указывал на возможность подобной этимологии в области якутского языка: ardina < ard-in-(t)a, sayina < say-in-(t)a².

Принимая эту этимологию, не следует тем не менее забывать, что употребление дательного падежа вместо местного — далеко не редкое явление в тюркских языках и что почти все цитированные выше слова имеют по существу значение местного падежа. Ведь невозможно отрицать, что в турецком языке, включая примеры, приведенные Т. Ковальским, мы также имеем форму дательного падежа.

Таким образом, из всего сказанного выше вытекает, что в обеих группах, субстантивной и местоименной, суффикс -na не совсем тождественного происхождения. Однако все единодушно допускают, что в обоих случаях n представляет собой местоименный элемент, а a — по всей вероятности окончание дательного падежа. Кроме того, основное значение места /реже времени/, которое свойственно обоим группам объединяет их в одну категорию и вызывает у собеседников представление о тождестве суффикса -na.

Что касается -ra, то во второй группе он обладает определенным значением суффикса места, и ничто не мешает отождествить его с окончанием -ra первой группы, как это предполагали уже К. Фой³ и В. Банг⁴. Однако его происхождение неясно и вопрос зависит от того, является ли a окончанием дательного падежа, а r — самостоятельным элементом, подобным местоименному n и не терпящим его рядом с собой, а скорее заменяющим его. Об этом также ниже,

1. T. Kowalski, *Dialectes türks-osmanlis*, „Encyclopedie de l'islam“ IV, livr. O (Leyde-Paris, 1931), 983, (§58).

2. К этому месту в оригинале имеется подстрочное примечание, в котором автор ошибочно ссылается на часто цитируемую работу: Bang. KOsm I, 10 (§6). Следовало бы, очевидно, дать:

K. Schriefl, *Der Locativ im Jakutischen*, KSz X (1908), 211-214. прим. пер.

3. K. Foy, *Azerbajgjanische Studien*, MSOS (Westas. St.) VI, 188, n. 2.

4. Bang. KOsm I, 10 (§6).

Суффиксы -на и -га должны были быть знакомы с давних пор также и монголам. Их письменный язык имеет слово *ečine* "скрытно, переодевшись", которое уже, по мнению Рамштедта¹, разумеется, заимствовано из тюркского *ičine* "внутри". Окончание -на, подобно -га, они должны были принять за суффикс и присоединяли -на и -га к тем же самым группам слов, как и в тюркских языках. Не замечая никакой разницы в значении между этими двумя суффиксами, они пользовались ими довольно сбивчиво, как свидетельствуют сводные таблицы, которые приводятся ниже:

1 группа /местоимения/ :

e-ne	"этот"	te-re	"тот"
i-na	"тут, эта сторона"	či-na	"там, та сторона" ;
nā-na	"по эту сторону"	čā-na	"по ту сторону"
χā-na	"где?"		

II группа /субстантивная/

dotu-na	"внутри"	dotu-ra	"внутри"
γada-na	"снаружи"	dege-re	"на, над, вышший"
emü-ne	"перед, передний, южный"	dou-ra	"под"
χoji-na	"зад, задний"	imu-ra	"север, северный"
ögü-ne	"заходящий, западный"	oji-ra	"близкий, рядом, около"
doru-na	"восходящий, восточный"	γaγu-ra	"между"
eči-ne	"тайный, тайно"		

Именно таким образом, по-видимому были образованы монгольские указательные местоимения e-ne и te-re. Они распространены во всей монгольской языковой области, но некоторые особенности наблюдаются и здесь. Такой архаический язык, как язык афганских моголов, не знает формы

te-re, но ему известно te-nā /в именительном падеже - просто te /рядом с enā. В других местах повсюду мы имеем e-ne и te-re, но только в именительном падеже, в других же падежах употребляются основы egün - и tegün- ; единственное исключение составляют бурятские диалекты, в которых все падежи образуются от основ ene и tere. Во множественном числе мы имеем e- и te- со специальным окончанием: ede и tede.

Это следы довольно сложной эволюции, которую пережили эти местоимения.

Вероятно, первоначальное значение форм ene и tere, так же как и аналогичных турецких слов muna и bura, было адвербиальным. Впоследствии они должны были приобре-

1. Ramstedt. *Mongolische Briefe aus Idiqt-Schähri bei Turfan.* (SBAW 1908, XXXII), 844.

ти субстантивное значение, как и турецкие слова, и только под конец получили адъективное значение и стали таким образом указательными местоимениями. Пути этой эволюции обнаруживаются в некоторых монгольских языках.

Вот что отметил А. Руднев в отношении хоринского диалекта бурятского языка :

	eně "вот это место"	terě "вон то место"
Прелатив	eněgūr "этим путем"	terěgūr "тем путем"
Директив	enērū "к этому месту"	terērū "к тому месту"

Тунгусские языки знают только древний суффикс -га и никогда не пользуются -на. У маньчжуров -га содержит в двух указательных местоимениях ere и tere. Мы видим, что они подверглись монгольскому влиянию, но система, которую они создали, более однообразна: они заменили -не посредством -ге в мо. ene и сохранили -ге во всех падежах, за исключением дательного единственного числа / ede и tede /, и основы множественного числа / ese и tese /.

Северные тунгусы вместо -га используют -гi~-г. Следовательно у них имеются указательные местоимения eri~er "этот" и tari~tar "тот" и вопросительные местоимения i~ig "какой, что" и igä "где. Этот суффикс вовсе не является здесь стабильным элементом: он входит еще в состав только некоторых падежных и адвербиальных форм.

У самагиров, негидальцев и орочей г между двумя гласными заменено на j; поэтому указательные местоимения там имеют форму öji и taji с вариантами.

11. -га

Этот суффикс встречается в монгольском языке в тех же группах слов, что и суффиксы -на и -га :

edü-ge	"теперь"	xāgu < xa-γa-gu	"куда?"
xa-mi-γa	"где?"		
xā-na < xa-γa-na	"где?"	nāgu < na-γa-gu	"суда"
nā-na < na-γa-na	"по эту сторону"	čāgu < ča-γa-gu	"туда"
čā-na < ča-γa-na	"по ту сторону"		
nā-du < naγadu	"находящийся с этой стороны"		
čā-du < ča-γa-du	"находящийся с той стороны"		
dotu-γa-du	"внутренний"		
γada-γa-du	"внешний"		

Этот суффикс также как -на и -га имеет значение

местного падежа, по большей части соединяется с другими суффиксами: -на, -ги и -ду, образуя таким образом сложные суффиксы, собственное значение которых определяется вторым слагаемым: -уана образует слова, имеющие значение "где?"; -уаги "куда?"; -уаду "находящийся где?"

Суффикс -уа соответствует в тюркских языках окончанию дательного падежа -ға~-уа.

Сложные суффиксы -уана и -уаги известны также в тюркских языках: первый - у казак-киргизов, второй - в рунических текстах.¹

Ш. -ги

Суффикс -ги, подобно -га, прослеживается начиная с рунических текстов тюрков и почти всегда в виде сложной формы -уаги; в то время как -га выступает только в качестве мертвого элемента, -уаги обнаруживает здесь все признаки жизни, образуя направительный падеж /

casus directivus /. Его находят еще, но уже как мертвое слово, в уйгурских текстах из Турфана, в местоименных наречиях *inagu*, *aqagu*, *pagu*, *bägu*. В настоящее время он встречается лишь спорадически, как, например, в турецком слове, в виде -гi. Только парное выражение *arı bāgı* известно во всех современных языках.

Письменные монгольский и ойратский языки также знают рассматриваемые суффиксы в древней форме -ги /и даже в сложной форме -уаги /:

мо. *i-na-gu* "в эту сторону, до сих пор"

ci-na-gu "в ту сторону, до тех пор"

ойрат. *χā-gu* < *χa-ya-gu* "куда?"

nā-gu < *na-ya-gu* "сюда?"

čā-gu < *ča-ya-gu* "туда?"³

В халхаском, бурятском² и ордосском³ языках этот суффикс выступает до настоящего времени в роли продуктивного окончания направительного падежа, но с долгим гласным в форме -гü.

1. Bang. KOsm I, 28 (§30,5), 29, (п. 3)

2. Руднев, Хори-бурятский говор, ХЛМ, I, IX, I, XI.

3. A. Mostaert. Le dialecte des Mongols Urdus (Sud),

"Anthropos" XXII, (Wien, 1927), 179 (§80).

Монгольский суффикс -du встречается в тех же группах слов, что и -на и -га :

i-na-du nā-du <na-γa-du "находящийся по эту сторону"

ci-na-du cā-du <cā-γa-du "находящийся по ту сторону"

do-tu-γa-du "внутренний"

γada-γa-du "внешний"

de-ge-dū "находящийся наверху"

dou-ra-du "находящийся внизу"

Ср. также dumda-du "находящийся в середине, между". Значение этого суффикса - "находящийся". Не нужно, следовательно, путать его с суффиксом -du~tu, который образует одно из окончаний дательного-местного падежа, хотя, судя по их значению, эти два суффикса, конечно, связаны между собой.

Здесь также мы имеем сложные суффиксы -γadu, -nadu, -γadu с одинаковым значением - "находящийся где-нибудь".

V. -ma(-mi, -m), -ba(b), -wa(w), [-γa];

-mar, -bar, -war, -γar.

Фонетические особенности алтайских языков позволяют допустить существование связи между приведенными выше морфологическими элементами ; с другой стороны, если рассмотреть их поближе, получается впечатление, что связь здесь часто чисто случайного характера.

Проблема, по правде говоря, достаточно сложная, и в настоящий момент невозможно решить все возникающие с ней вопросы. Поэтому нужно ограничиться определенной систематизацией уже известных фактов.¹

QВ знает самостоятельную частицу ma со значением "также, и"². В монгольском письменном языке также встречаются самостоятельные частицы ba и bar, первая преимущественно как союз "и", вторая - как "также" /указывая предметы, о которых идет речь, так же, как частицы anu и inu /, но часто различие между ними стирается.³

Использование этих частиц в качестве самостоятельных

1. Deny. Gramm., 1101-1102; Ramstedt. Pronomina, 16-17.

2. Р а д л о в. Словарь 1У, 1985.

3. Ramstedt. Pronomina, 17; Kotwicz. En marge des lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat, CO. n. 4 (Lwow, 1933), 841.

слов довольно ограничено, они не обнаружены в живых языках. Зато они употребляются часто в качестве суффиксов как в памятниках, так и в живых языках.¹

Прежде всего суффикс -та следует усматривать, по всей вероятности, в тюркских частицах *jāta*, *jāt*, *itā* /Орхонские надписи, Q8, Махмуд Кашгарский, Рабгузий, Турфанские тексты и др. / "все, все, также, даже, и". Корень этой частицы неизвестен, но позволительно думать, что у нее есть соответствия в мо. *jeḡü* /калм. *jir* "очень" / "вообще" и ма. *geṡü* "все".

Затем, во всех алтайских языках мы находим суффикс -та с обобщающим значением, присоединенный к вопросительным местоимениям "что?" или "кто?": мо. *ja-yu-ta* тунг. *ē-ku-ta*, тюрк. *nä-mā* "нечто, что-то", коман. и чаг. *qai-ta* „was für ein" / "какой-либо", Q8 *qaju-ta* „irgend welcher" / "какой-нибудь", кто-нибудь"/.

То же обобщающее значение имеют суффиксы -ба и -бар присоединяемые одинаково к вопросительным и указательным местоимениям:

мо. *ali* "какой, который"; *ali-ba*, *ali-bar* "кто-нибудь, каждый", *ker* "как?", *ker-be*, *ker-ber* "хотя, если каким-либо образом";

саг., койб., кач. *qajdiba* „wie anders" / "или как-нибудь иначе"; / *ediba*, *pidiba* „so oder so" / "так ли этак ли"/.

шор. *nä=bä* "нечто, вещь"; урянхайск. *šibä* "что-нибудь",⁴

Можно думать, что здесь обобщающие суффиксы -та, -ба и -бар тождественны друг другу.

С другой стороны, имеется ряд примеров, в которых суффиксы -та, -тар, -ва и -бар, соединяясь с вопросительными или указательными местоимениями, вовсе не обобщают их значение, а скорее усиливают или подкрепляют его:

мо. *ja-m-bar*, калм. *ja-mā-rān* "какой?";

мо. *xa-mi-ja*, калм. *xa-mā* "где?";
дагур. *ja-mār* "какой?" *ej-mēr* "такой",
как этот /этакий/; *tej-mer* "такой, как тот";

хоринск. /Руднев/, алар., халхаск. *ja-mār* "какой?";

1. Катанов перечисляет тюркские языки. /Опыт, 374/.

2. См. однако: Wang. КОсм I, 32 (§ 32).

3. Ramstedt. Pronomina, 17.

4. Катанов. Указ. соч., 344.

тар. *nä-mä-gä*, *nä-mi-gä* „wofür, für wie viel, warum?“¹
/“почем, за сколько, почему?“/ ;

ма. *aj-ma-qa*, *ja-ma-qa* “какой?” ;
ульч. /Шидт/ *ö-mö-tö* “такой, как этот/этакий/” ;
ta-ma-ta “такой, как тот” ;

гольд. /Протодиаконов, Грубе/ *xa-ma-ča* “какой?”,
e-ma-ča “такой, как этот /этакий/” ; *ta-ma-ča*
“такой, как тот” ;

Кондогир. /Чекановский/ *e-wa* (<*ē-wa*) “что?” ; барг.
e-ma “что?”.

В словах мо. *xa-mi-γa* /калм. *xa-mā* /и тар.
nä-mi-gä изменение -*ta* в -*mi* произошло вследствие
ослабления артикуляции среднего открытого слога. Это ос-
лабление известно в монгольских и тюркских языках³ ; при-
чем, в монгольских языках гласный совершенно исчез, в
тюркских языках он оказался замененным на *a* или *i*. Банг
показал, что эта характерная черта для восточных тюркских
языков, что особенно заметно на слоге *ma*⁴. На этом осно-
вании можно предположить, что мо. *xa-mi-γa* также роди-
лось на тюркской почве, добавив, однако, что существова-
ния подобного слова там до сих пор не обнаружено.

В тюрк. *kim* “кто?” и монгол. *jem* “что?” можно
также видеть сокращенный суффикс *m* (<*ma*) . Наоборот, не-
возможно было бы утверждать, что то же сокращение сущест-
вует в мо. *jambar*, ибо это слово могло развиваться из
jamar.

Окончание -*ger* в мо. *edeger* и *tedeger*, быть мо-
жет, также могло бы найти место в этой группе ; именно
так думал уже Рамстедт, сближая его с *ber*⁵.

Кажется, что суффиксы -*ba* (>*b*) в маньчжурском и
-*wa* (>*w*) в тунгусском языках играют ту же роль:
ма. *e-be-le* “здесь, с этой стороны” ; *e-be-gi*,
ebsi (*e-be-si*) *absi* “куда?”

1. Bang. *Kosm I*, 22, n. 3

2. Bang. *Kosm I*, 22, n. 3.

3. Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Грамматика монгольского пись-
менного языка и халхаского наречия /Л., 1929/, 325, 329,
334-335.

4. Bang. *Osttürkische Dialectstudien*, AGWG (philol.-hist. kl.)
NF XIII, n. 1 (Berlin, 1914), 4-5.

5. Ramstedt. *Pronomina*, 16.

нерч. /Кастрен/ta -wa-r "вон тот", ä-wä -ski "в этом направлении", a-b-γи, a-w-gü "какой?" ;

барг. e-we-ški

ороч. /Леонтович/ a-wa-si, a-wo-si, e-wo-si, ta-wa-si "куда, сюда, туда".

В монгольском языке во всех падежах в единственном числе, за исключением именительного и родительного, личные местоимения соединяются с суффиксом -ma, образуя основы :

na-ma, ši-ma, i-ma /в калмыцком языке еще nan-~nana- , в монгольском čin-~čina- /. С другой стороны, в южных тунгусских языках мы находим во множественном числе суффикс -we: ма. su-we ; гольд., ульч., самар. Шидт/ biö, suö (<bu-we, su-we).

Рамстедт предполагает, что монгольское ma было прежде всего окончанием винительного падежа и что отсюда оно перешло в другие падежи¹. Это объяснение могло бы быть применено также к тунгусским языкам, тем более, что отличительный признак винительного падежа там именно ma-wa-ja. Принимая эту гипотезу, мы не должны, однако, забывать, что ma и wa выступают также в других местоимениях: возможно, стало быть, что в данном вопросе мы имеем дело не с окончанием винительного падежа, а с усилительным суффиксом.

Наконец, сообщим, что Ж. Дени допускает, что ma родственно вопросительной частицы mi, mi и, прибавим, отрицательной частице -ma.

Ул-γи, -ки, -wu(-u); -γа(-ge).

Наряду с суффиксами -ma, -ba, -wa мы находим в местоимениях еще серию суффиксов -γи, -ки, -wu(-u), происхождение и значение которых еще не известны, но которые представляют некоторую аналогию с предыдущим рядом.

В своей статье о монгольских местоимениях Рамстедт² сделал совершенно справедливое замечание, что суффикс -gün в указательных местоимениях e-gün, te-gün соответствует -γип в вопросительном местоимении ja-γип: но он не мог ничего сказать ни о его происхождении, ни о его значении. В настоящее время еще трудно высказать что-либо достоверное по этому поводу; оставаясь на монгольской почве, можно утверждать только то, что -γип состоит из двух элементов: из самого суффикса-γи и местоименного n.

1. Ramstedt. Pronomina, 7-9, Asia Major I, 672.

2. Ramstedt. Pronomina, 15.

Пытаемся же поискать указаний в других местах того же корня .

В маньчжурском языке мы легко находим монгольские элементы *e-*, *te-*, *ja* - но не видим никаких следов суффикса *-ju(n)* ; это заставляет думать , что они должны были быть заимствованы у монголов тогда , когда эти последние еще не имели рассматриваемого суффикса. Зато тунгусы должны были уже знать его. У нерчинских , прибайкальских, енисейских тунгусов /Кастрен, Титов, Кожевников, Василевич и др. / мы имеем *ē-kün ~ ī-kün* /иногда также *jekün* /"что?", которое происходит от тунгусского корня *ē-~ī-* "что". Другое слово, *ē-ki-ma* , встречаемое гораздо реже /Титов, Василевич/, очевидно, соответствует мо. *ja-ju-ma* "нечто, что-либо".

В тюркских языках можно, по-видимому, принять во внимание уйгурские слова *nā-gü* и *nā-gü-n* "какой, что, как?"¹ и *qai-ju*².

Голды и другие южные тунгусы пользуются суффиксом *-wu*, или же просто *-u* , не только в вопросительных основах, но и также и в указательных. Вот формы , которые отметил Протодиаконов :

ḡawuj owuj tawuj "какой?такой, такой как тот"

ḡauši ouši tauši "куда? в эту сторону, в ту сторону"

У ульчей /по П.Шидту/ : *öusi ~ övösi* "в эту сторону".

Этот суффикс не чужд и северным тунгусским языкам ; по крайней мере , Попов отметил его у охотских ламутов :

awuški "в эту сторону", сюда", а П.Шидт *-u* неги - дальцев : *taumölgi* "такой".

Мо. *-ju* , *-ja* , тунг. *-ki* , *-wu* , *-u* не являются устойчивыми элементами. В монгольском языке указательные основы *e-gü-n* и *te-gü-n* выступают только в косвенных падежах /в именительном падеже *e-ne* и *te-re* /. Напротив , у вопросительного местоимения *ja-ju-n* суффикс имеется во всех падежах. Можно, следовательно, допустить, что первоначально у указательных местоимений он был и в именительном падеже, но когда появились *e-ne* и *te-re* , они вытеснили формы *e-gü-n* и *te-gü-n* в именительном падеже, а во всех остальных падежах остались прежние формы.

Со временем стали рассматривать *ene* и *tere* как

1. Bang. KOsm I, 17, 46; Gabain, Huen-tsang I, 26 (174).

2. Bang-Rachmati, Lieber aus Alt Turfan. "Asia Major" IX, Leipzig, 1933. 131-132.

нечленимые основы и прибавлять тоже к ним суффикс -gün в косвенных падежах, что привело к созданию растяженных основ наряду с основами egün и tegün -,enegün-> -enün-> ünün-, ,teregün->terün->türün .

Следовательно, Руднев¹ допускал ошибку, когда он предполагал здесь контаминацию tere и tegün . Мы находим эти растяженные основы в различных живых языках : в калмыцком², в восточных³ и некоторых бурятских⁴ диалектах и в халхаском.

В тунгусских языках дело обстоит несколько иначе. В местоимении ĕkūn мы там находим kū в именительном падеже, тогда как в других падежах его по большей части опускают.

В одном из монгольских документов - в *Idiqut-Šähri* - изданном Рамstedтом, имеется два слова, одно рядом с другим : ešinegün и angidaɣun /у издателя -anzidaɣun /.

Ešine и angida являются хорошо известными наречиями. Напротив, конечные слоги -gün и -ɣun имеют вид суффикса, не известного в других местах. Не следует ли здесь видеть тот самый суффикс -ɣu~-gü , который нас занимает? Это дало бы нам право провести некоторую аналогию с приведенными выше формами : enegün- и teregün- .

Наконец, надо заметить, что в некоторых бурятских диалектах /аларском / суффикс -ɣu монгольских указательных местоимений заменяется суффиксом -ɣa , образуя основу к косвенных падежей enē-(enege), terē-(terege)⁵, а в южных тунгусских языках -суффиксом -ma (ema, tama) , что может оправдать гипотезу о наличии суффиксов с усиленным значением.

Уп. Монг. -dū--ži , тюрк. -di , тунг. -di~-du.

Суффикс -dū характерен для монгольских местоимений, которые выражают количество:

ke-dū-(j)	"сколько"
e-dū-(j)	"вот столечко /столько/"
te-du-(j)	"столько"

В конечном -j Владимирцов видел окончание древнего

1. А. Д. Руднев. Материалы по говорам Восточной Монголии /С П Б, 1911/, 217, примеч. З Рамstedт (*Pronomina*, 11-12; *Kalm. Wörterbuch*, XV) видит здесь *Analogiebildung* образование по аналогии"
2. Котвич. *Отъг*², 175-177 .
3. Руднев. Указ. соч. , 217.
4. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878 , 51-52
5. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка , 51-52.

монгольского причастия настоящего времени, но он подверг анализу только слово *edüj*. Из этого он вывел гипотезу, что *edüj* ведет свое происхождение от элемента **öd-*, очевидно, глагольного, и сопоставил его с тюрк. *öd* "время". Но проверка двух других слов, *tedüj* и *kedüj*, не проверяет это соображение, так как тут мы конечно, имеем дело с местоименными элементами¹ *e-*, *te-*, *ke-*.

Возможно, что у суффикса *-dū* был вариант **di*, который дал *-žī*. Об этом свидетельствуют параллельные формы *edüge*, *ežije* теперь, "в настоящее время", *težije* < *tedi(ü)ge* "тогда", *kežije* < *kedü(ü)ge* / калм. *kežä* "когда".²

Следы этого суффикса встречаются также на тюркской почве, особенно в языках Сибири: *qajdī* "как", *edi* "так", *pidi* "so" / "этак" /³. Азербайджанское слово *indi* "в настоящее время" также содержит этот суффикс: основа *in-* соответствует там, как было выявлено выше, мо. *e-i-*; а *-di* соответствует мо. *dū*. В словах *indijažan* и *indijäkimin* "до сего времени / до сих пор" /⁴ суффикс *dija* кажется соответствующим *-žije*.

В тунгусских языках мы имеем на севере *-di*: *adi* "сколько" и на юге *-du:xadu* / ульчи, гольды / "сколько".

III. -n, -j, -r.

В алтайских языках в конце местоименных и вообще именных основ довольно часто можно видеть *n*, *j* или *r*, которые образуют параллельные растяженные основы. Эти элементы не имеют теперь никакой семантической значимости и не образуют также устойчивых суффиксов: при последующих морфологических изменениях, например, при склонении, есть формы, которые их сохраняют, и есть формы, которые их отбрасывают. Спускание их является правилом для образования множественного числа.

Многие ученые интересовались этими элементами. Наиболее внимательно ими занимался Банг в своей работе о вопросительных местоимениях, но ему не удалось разрешить окончательно вопрос о их происхождении. Он высказался с

1. В л а д и м и р ц о в. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке, Д Р А Н - В, 1924, 56.

2. Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. 190.

3. М. Р а д л о в. Словарь 1, 854 - Прим. перев.

4. Szapczal. Op.cit., 85.

некоторой вероятностью только об элементе -г, приписывая ему, по крайней мере в некоторых обстоятельствах значение директива. Что касается п, то ему приписывали наименование которого мало что говорит и к тому же не совсем точно. Это вопросы которые заслуживают тщательного рассмотрения¹; вкратце изложу некоторые свои соображения.

У тюрков, также как и у монголов, некоторые местоименные основы обладают двумя растяженными формами, одна с-п, другая - с-ј. Банг² уже в 1917 году отметил, что тюркский вопросительный элемент qa обладает этими двумя основами: qa-p и qa-j /прибавляя к ним, возможно по ошибке, третью -qajı, которая, кажется, происходит от qa-j /.

У монголов мы находим значительно большее число примеров:

ke	xa-	e-	te-
ke-n	[xä-n-]	e-n-	te-n-
	xa-j	e-j-	te-j-

Вот слова, которые содержат эти растяженные основы:

e-n-de	"тут"	e-ji	-si	"в эту сторону,	e-ji-mü	"такой,
				сюда		как этот,
						этакий"
te-n-de	"там"	te-ji-si	"в ту сторону,	te-ji-mü	"такой,	
			туда		как тот"	
[xä-na	"где?"]	xa-ji-si	"куда?"			

Мы находим еще п и j на конце слов с теми же элементами:

ke-dü	e-dü	te-dü
ke-dü-n	e-dü-n	te-dü-n
ke-dü-j	e-dü-j	te-dü-j

Что касается -г, то его, по-видимому, можно усматривать в мо. ker "как".

У тюрков согласные п, j и г часто соединяются с гласными, давая таким образом ряды сходных по виду суффиксов:

-n	-na	-nu	-ni
-j	-ja	-ju	
-г	-га	-гу	-ги

Примеры на этот счет находим в цитированной выше работе Банга. В тунгусском мы обнаружили:

i-г	"какой"	ε-г	"этот"	ta-г	"тот"
-----	---------	-----	--------	------	-------

1. Относительно п см.: Grönbech. Op. cit., 32-33 (§ 21) et passim.

2. Bang. KOsm I, 27; 31-32 (§ 30, 31, 32).

IX. -čita ~ -čula

Суффикс -čita часто встречается в монгольском и маньчжурском языках и был зарегистрирован в монгольских грамматиках.¹ Он служит для образования от существительных глаголов со значением "делать похожим, действовать сходным образом"; это значение прекрасно подходит к egünčilen и tegünčilen, являющимися отглагольными наречиями.

В тюркских языках имеются хорошо известные соответствия в форме -čula, -čita и -žita

	турфанск.		тур.
	muncutajı		bunžıtajın
	ancıtajı		anžıtajın ²

Этот суффикс состоит из двух элементов, которые, как кажется, имеют тюркское происхождение: -či ~ -ži ~ -či представляют собой варианты окончания сравнительного падежа /экуватив/ - ča, a la - глагольный суффикс, очень распространенный в алтайском мире.

X. -γsi; si, -ski (-γši, -ši, -ški).

Указанные в заглавии суффиксы встречаются в монгольском, маньчжурском и тунгусском языках, где при их посредстве образуются наречия места и времени со значением "куда",

- γsi содержится в монгольском письменном языке в местоименных наречиях i-na-γsi и či-na-γsi. В аналогичных словах в живых языках употребляется суффикс -ši; nā-ši, čā-ši, χāj-ši.

В маньчжурском языке этот суффикс быует в форме -si: e-b-si и ča-si; то же самое в южных тунгусских языках: ороцком /Леонтович/ awosi, ławasi, awasi; гольдском /Протодиаконов, Грубе/ auši, tauši,

χauši

В северных тунгусских языках находим ski //ški: нерч. /Кастрен/ ā-wā-ski, негидальск. /Шидт/ öwo-ski барг. т. ε-we-ški, кондогир. /Чекановский/ o-wo-ški у охотских ламутов /Попов/ a-wu-ški.

Невозможно отрицать существования связи между суффиксами этой группы, но трудно решить, которую из этих форм следует считать исходной.

1. Б о б р о в н и к о в. Указ. соч., 195

2. Bang. KOsm I, 45 (§ 52, 2); Turán N1-2, 95; Gabain, Hsien-tsang I, 29(177); Brockelmann, ZDMG; Gombocz, Turán N4.

Самая простая - si // -ši встречается в живых монгольских языках, а также в маньчжурском и других тунгусских языках; эти последние могли заимствовать их из монгольского языка.

мо. -ysi // -ysi обнаруживает дополнительный элемент γ /ср. мо. -ysan~-san, -ytun~-tun, yda~-da /

Наконец, последний вопрос: не отличается ли северный тунгусский вариант -ski~-ški от письменномонгольского -ysi~-ysi только метатезой согласных?¹

XI. Тюрк. -tar~-dar, маньчж. -taqa

Тюркский суффикс -tar~-dar со значением "подобный, похожий", известный уже в рунических текстах, оказался нашедшим отражение в маньчжурском языке как раз в области местоимений:

тюрк.	маньчж.	
qan-dar	an-taqa	"какой"
mun-dar	en-teke	"такой, как этот /этакий/"
an-dar	ten-teke	"такой, как тот"

XII. -qi~-ki; -gū; -gi; -da.

Суффикс -qi~-ki "находящийся где-нибудь", "принадлежащий кому-нибудь", очень распространенный в алтайском мире, встречается также в сочетании с местоимениями либо самостоятельно, либо после окончания дательного и родительного падежей. Мы имеем таким образом: мо. aliki, jaḡunki

"какой", тюрк. seniḡki "твое". У гольдов имеется форма -gi: uḡgi "принадлежащий кому?"

miniḡi "мое", sinigi "твое" и т.д.; ср. тур.

hangī (<qanḡi) "какой, который?". У северных тунгусов этот суффикс имеет соответствие в виде -gū: нерч. abgū awgū, солон. aḡū "какой?".

Не следует смешивать с рассматриваемым суффиксом другой суффикс -gi, который спорадически появляется у тюрков и монголов: тюркские языки Сибири tigi "тот", якут.

bisiḡi "мы", äsiḡi "вы"², монгол. budasḡi "мы",

t'asḡi "вы". Возможно, что живая монгольская форма

ciḡi, из старописьменной частицы ci "также, и, даже", содержит тот же элемент.

Значение этого суффикса неясно: возможно, что это "и, также, даже". Он соответствовал бы тунгусскому суффиксу

1. В оригинале ошибочно сказано: метатезой гласных. -Прим. перев.

2. Böttlingk. Über die Sprache der Jakuten I, 264.

обобщающего значения - да ; существование последнего установлено у орочей в языке которых он связан с личными местоимениями, а у гольдов, ламутов и других северных тунгусов - с вопросительными местоимениями ; в отрицательных предложениях - да принимает значение отрицания.¹

1. В а с и л е в и ч. Учебник эвенкийского /тунгусского/ языка, 48 ; idem. Эвенкийско-русский словарь, 140.

Важнейшая литература по местоимениям, появившаяся после выхода в свет настоящей работы В. Л. Котвича на французском языке в 1936 году.

Рецензии :

Сравнительно-исторические и типологические исследования.

- Баскаков Н. А. - О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. - Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1962, вып. 1, с. 132-143.
- Котвич В. Л. - Исследования по алтайским языкам. Пер. с польского А. И. Толкачева. Общ. ред. и предисловие Н. А. Баскакова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1962, с. 371, Местоимения, с. 139-181.
- Майтинская К. Е. - К происхождению местоименных слов в языках разных систем, - В Я, 1966, №1, с. 15-25.
- Майтинская К. Е. - К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем - В Я, 1968, № 3, с. 31-40.
- Майтинская К. Е. - Местоимения в языках разных систем. М., "Наука", 1969, с. 308 /АН СССР. Инс-т языкознания/.
- Поцелуевский А. П. - Происхождение личных и указательных местоимений в тюркских языках /Материалы к истории туркменского языка/. Ашхабад, 1947, с. 27.
- Гамстедт Г. И. - Введение в алтайское языкознание. Морфология. Обработано и издано Пентти Аалто. Перевод с немецкого Л. С. Слоним. Под редакцией и с предисловием Н. А. Баскакова. М., Изд-во Иностран. лит-ры, 1957, с. 254. Гл. 1У. Изменение местоимений, с. 68-90.

- Савжеев Г. Д. - Сравнительная грамматика монгольских языков. т. 1, М., 1953, с. 240 /А Н СССР Инс-т востоковедения/. Гл. 2, Склонение /в том числе местоимений/, с. 127-180.
- Цинциус В. И. - Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., Учпедгиз, 1949, с. 342.
Сравнительные таблицы по морфологии тунгусо-маньчжурских языков, с. 253-282 /особенно табл. 1У-ХУ/.
- Исследования по конкретным языкам.
- Боржаков А. - Местоимения в современном туркменском языке. А К Д Ашхабад, 1964, с. 22 /А Н Туркмен. ССР. Отд-ние обществ. наук/.
- Ибатов А. М. - Из истории местоимений в казахском языке, Алма-Ата, "Гылым", 1966, 73 с. /А Н Каз ССР. Инс-т языкознания/ На казах. яз.
- Ибатов А. М. - Местоимения в казахском языке. А К Д, Алма-Ата, 1962, с. 26 /А Н Каз ССР Инс-т языкознания/.
- Ибатов А. М. - Местоимения в казахском языке. Алма-Ата, 1961, с. 64 /Казах. гос. пед. инс-т/ На казах. яз.
- Кудайбергенов С. - Местоимения в киргизском языке. Фрунзе, 1960, с. 81, /А Н Кирг. ССР Инс-т яз. и лит-ры/. На кирг. яз.
- Сарьбаев Ш. Ш. - К вопросу о местоимении в казахском языке. В кн. "Сборник научных работ студентов Казах. гос. ун-та" Алма-Ата, 1951, вып. 1, с. 57-64.
- Хабичев М. А. - Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск. Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1961; с. 216.
- Цьдендамбаев Ц. Б. - Местоимения в монгольских языках. А К Д М., 1951, с. 26/М-во высш. образования СССР/ Мск. инс-т востоковедения/.

- Шлекенова М. К. - Местоимения в современном каракалпакском языке. А К Д Алма-Ата, 1970, с. с. 31. /А Н Уз. ССР. Инс-т истории, яз. и лит-ры им. Н. Давкараева Каракалп. филиала/.

Личные местоимения и множественное число,

- Баскаков Н. А. - Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. В кн.: "Тюркологический сборник". 1. М. -Л., 1951, с. 55-67.
- Борджаков А. - Личные местоимения в туркменском языке. - Изв. АН Туркм. ССР. Сер. общ. наук, 1962, № 3, с. 64-74. На туркм. языке.
- Март-Оол К. Б. - Личные местоимения в тувинском языке. - Уч. зап. Л Г П И, 1969, т. 383, с. 191-202.
- См. также соответствующие разделы в упомянутых выше разделах.

Суффиксы множественного числа -s, -lar.

- Азнабаев А. и Псянчин В. - К проблеме исторического развития аффикса множественного числа -lar в тюркских языках. - С Т, 1971, № 5, с. 11-20.
- Андреев И. А. - Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных. - Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 3 Чебоксары, 1969, с. 44-58.
- Благова Г. Ф. - Комбинация аффиксов множественности -исконно алтайская константа или типологический параллелизм? - в кн.: "Проблема общности алтайских языков". Л., 1971, с. 351-361.
- Болдырев Б. В. - Собирательные аффиксы в маньчжурском языке. - В кн.: "Исследования по языку и фольклору" /вып. 2/. Новосибирск, 1967, с. 95-108.
- Дмитриев Н. К. - Категория числа. - В кн.: "И С Г Т Я Г", с. 65-71.

- Козин С. А. - К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, - Уч. зап. ЛГУ, 1946, № 69, Сер. филол. наук, вып. 10, с. 120-135
- Кононов А. Н. - Показатели собирательности - множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. М., "Наука", ЛО, 1969, с. 32 /А Н СССР, Инс-т востоковедения. Ленинград, отд. /. Работа содержит обильную библиографию вопроса.
- Насыров Д. С. - Аффикс множественного числа - лар /-лер/ и его семантика в каракалпакском языке. - Вестн. Каракалп. фил. А Н Уз. ССР, 1962, № 2, с. 78-84.
- Никифоров Г. А. - Категория множественности в якутском языке. А К Д М, 1952, с. 18 /А Н СССР Инс-т языкознания/.
- Никифоров Г. А. - О значениях аффикса - лар в якутском языке. - В кн.: "Тюркологический сборник", 1, М.-Л., 1951, с. 136-142.
- Никифоров Г. А. - Об аффиксе множественного числа - Труды Инс-та яз., лит.-ры и истории Якут. фил. Сиб. отд-ния А Н СССР, Якутск, 1963, с. 89-92
- Санжеев Г. Д. - Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1 М., 1953
Число, с. 127-139.
- Серебренников Б. А. - О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *lar* в тюркских языках. - С Т, 1970, № 1, с. 49-53.
- Соколов С. А. - Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями. - С Т, 1970, № 4, с. 71-81.
- Цинциус В. И. - Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. - Уч. зап. ЛГУ, 1946, № 69, Сер. филол. наук,

- вып. 10, с. 73-119 .

Вопросительные местоимения и наречия.

Боржаков А .

- Вопросительные местоимения в туркменском языке. -Изв. А Н Туркм. ССР, Сер. обществ. наук, 1962, № 6, с. 49 - 62 .

Грунина Э . А .

- Из истории вопросительных местоимений и их производных в турецком языке. -В кн. : "Вопросы тюркологии. /сб. статей/" . Баку, 1971, С с. 265-273 .

- Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке. -Вестник научного общества татароведения, Казань, 1927, № 7, с. 61-64 .

Указательные наречия и местоимения.

Абдуллаев А . 3 .

- О развитии аффикса -лај и этимологии слов *бела* , *еле* в азербайджанском языке. -Уч. зап. Аз. гос. ун-та, Сер. яз. и лит-ры Баку, 1968, № 5, с. 3-9 . На азерб. яз. Резюме на русск. яз. Сокращенный вариант на русском языке под заглавием "Об этимологии слов *бела* , *еле* " см. в кн. : "Вопросы тюркологии " . Баку, 1971, с. 285-291 .

Алексеев Д . А .

- Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, с. 120 /Бур. -Монг. гос. НИИ яз. , лит-ры и истории/.

Аскарова М .

- О некоторых особенностях указательных местоимений -В кн. : "Вопросы узбекского языкознания. " Ташкент, 1970, с. 45-56 На узб. языке.

Ашнин Ф . Д .

- К этимологии указательных местоименных прилагательных типа азербайджанского *бела* гагаузского *боло* , турецкого *böyle* и туркменского *бәилә* - Проблемы востоковедения, М , 1959, № 6, с. 145-148 .

Ашнин Ф . Д .

- Об этимологии азербайджанских , гагаузских , крымско-татарских и турецких имен типа *буца* /бура/"это место"- В кн. : "Тюркологические исследования".

- Об. статей, М., -Л., 1963, с. 95-105 .
- Ашнин Ф.Д. - Принципы дифференциации турецких указательных местоимений. - В Я, 1958, № 2, с. 101-108 .
- Ашнин Ф.Д. - Принципы дифференциации туркменских указательных местоимений. - Труды Инс-та яз. и лит-ры А Н Туркм. ССР, 1957, вып. 2, с. 68-81 .
- Ашнин Ф.Д. - Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках. А К Д М, 1958, с. 24. /А Н СССР. Инс-т языкознания/.
- Ашнин Ф.Д. - Указательные частицы в тюркских языках /в связи с этимологией указательных местоимений/. - Изв. А Н СССР. Отд-ние лит-ры и языка, 1958, № 5, с. 417-434 .
- Боржаков А. - Указательные местоимения в туркменском языке. - Изв. А Н Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, 1962, № 4, с. 59-69. На туркмен. яз.
- Гладкова Н.И. - Выражение категории пространства и времени в эвенкийских наречиях. - Уч. зап. Л Г П И ; 1969, т. 383, с. 177-190 .
- Гладкова Н.И. - Выражение пространства и времени в наречиях эвенкийского языка. - В кн.: "Герценовские чтения", XX. Л., 1967, с. 174-176 .
- Гладкова Н.И. - К вопросу о словосочетании наречий времени в эвенкийском языке. - В кн.: Герценовские чтения", XXI, филол. науки. Л., 1969, с. 209-211.
- Гладкова Н.И. - Наречия времени в эвенкийском языке. А К Д, 1970, с. 23. /ЛПИ им. Герцена/.
- Груни на Э.А. - К истории указательных местоимений в турецком языке. - В кн.: "Структура и история тюркских языков". М., 1971, с. 223-237.

- Дмитриев Н. К. - Об указательных местоимениях в бакирском языке. - Труды Моск. ин-та востоковедения, 1947, № 4, с. 70-74.
- Дмитриев Н. К. - Указательные местоимения в османском языке. ДАН - В, 1926, с. 97-99.
- Дмитриев Н. К. - Наречия места в турецком языке. - В кн.: "Памяти акад. Л. В. Щербы". Сб. статей, Л., 1951, с. 152-164.
- Лебедева Е. П. - Наречия места в эвенкийском языке. Л., Уч.-педгиз, 1936, с. 78. /Изв. Науч.-исслед. ассоц. Инс-та народов Севера, вып. 10/.
- Орловская М. Н. - О непроизводных наречиях в монгольском языке. - Краткие сообщения Инс-та народов Азии АН СССР, 1964, 83, с. 23-28.
- Саруева М. Ф. - Наречие в ногайском языке. - Тр. Карачаево-Черкес. НИИ /ИЯЛИ/, 1959, вып. 3, с. 3-43.
- Сарьбаев Ш. Ш. - О местоимениях ту, түнеу. - Изв. АН Каз. ССР. Сер. филол. и искусствоведения, 1959, вып. 1, с. 73-75.
- Харитонов Л. Н. - Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, Якут. гос. изд-во, 1943, с. 83. /Нар. ком. просвещения Я АССР /.
- Шалекенова М. К. - Указательные местоимения и их особенности в каракалпакском языке. - Вестн. Каракалпак., филиала АН Уз. ССР, Нукус, 1969, № 1, с. 61-70.
- Суффиксы местоименного происхождения.
- Аврутин В. А. - Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках. - В Я, 1956, № 3, с. 93-100.
- Бадмаев Б. Б. - Категория принадлежности в калмыцком языке. - Зап. Калм. НИИЛИ, 1962, вып. 2, с. 149-152.
- Баскаков Н. А. - Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. - В кн.: ИСГЯ П, с. 263-303.
- Бойшова А. Ф. - Категория лица в эвенкийском языке. Под ред. В. П. Андреевой-Георг. и В. И. Цинциус. Л., -М., Главсевморпуть,

- Болдырев Б. В. - 1940, с. 192. Со схем. /Науч. -исслед. ассоциация Инс-та народов Севера/.
- Болдырев Б. В. - К вопросу о происхождении формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. - Изв. Сиб. отд.-ния АН СССР. Новосибирск, 1970, № 11, Сер. общество. наук, вып. 3, с. 46-49.
- Болдырев Б. В. - К вопросу о структуре притяжательной конструкции тунгусо-маньчжурских языков. - В кн.: "Языки и литература народов Сибири". Новосибирск, 1970, с. 146-164.
- Болдырев Б. В. - Категории косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. А К Д Новосибирск, 1970, с. 19 /А Н СССР. Сиб. отд.-ние. Об"един. учен. Совет по ист. - филол. и филос. наукам/.
- Болдырев Б. В. - Категория косвенной принадлежности в нанайском языке. - В кн.: "Языки и литература народов Сибири." Новосибирск, 1970, с. 109-145.
- Велиев С. А. - К истории аффикса принадлежности /П лицо/. Уч. зап. АзГУ. Сер. яз. и лит-ры. Баку, 1970, № 2, с. 12-17. На азерб. яз.
- Глазов Ю. А. - Система личных глагольных морфов в тюркских языках. - НАА, 1966, № 2, с. 116-124.
- Дмитриев Н. К. - К истории аффиксов сказуемости. - В кн.: "ИСГЯ П", с. 5-15.
- Дмитриев Н. К. - Категория принадлежности. - В кн.: "ИСГЯ", с. 22-37.
- Дульзон А. П. - Лично-временные формы чуйльско-тюркского глагола. - Уз. Хак НИИЛИ, 1960, вып. 8, с. 101-145.
- Кузнецов П. И. - Личные аффиксы в турецком языке. - Труды Воен. инс-та иностр. языков, 1954, т. 5, с. 57-72.
- Севортян Э. В. - К истории аффиксов сказуемости. - кн.: "ИСГЯ П", с. 16-21.
- Севортян Э. В. - Категория принадлежности. - В кн.: "ИСГЯ П", с. 38-44.

- Серебренников Б.А. — К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках. — В кн.: "Фонетика. Фонология. Грамматика". М., 1971, с. 277-282.
- Серебренников В.А. — Тюркологические этюды I. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках. — В кн.: "Вопросы тюркологии" Баку, 1971, с. 108-112.
- Серебренников Б.А. — Тюркологические этюды II. К проблеме происхождения *z* в варианте притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа — *sy / si /*. — В кн.: "Вопросы в тюркологии", Баку, 1971, с. 112-115.
- Суник О.П. — Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.—Л.; 1962, с. 363 /АН СССР. Институт языкознания/.
 См. таблицы лично-предикативных и лично-притяжательных форм в тунгусских языках.
- Суник О.П. — О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках. Язык и мышление. XI. М.—Л., 1948, с. 283-291.
- Тачмурадov Т. — Категория принадлежности в современном туркменском языке. А.К.Д. Ашхабад, 1959, с. 20 /А.Н. Туркм. ССР. Институт языкознания/.
- Ширалиев М.Ш. — Второе лицо категории принадлежности и сказуемости. /На материале диалектов и говоров азербайджанского языка/. — В кн.: "Вопросы диалектологии тюркских языков", Баку, 1966, т. 4, с. 44-47.
- Щербак А.М. — К вопросу о формах на *ga - gi, - gy*, в тюркских языках. — СТ, 1970, № 6, с. 28-33. См. также литературу в предыдущей главе. Суффиксы в местоименных основах.